

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею — Скифия, Иоанну — Асия, там он жил, там в Ефесе и скончался; (2) Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Азии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни. (3) Надо ли говорить о Павле, возвещавшем Христово Евангелие от Иерусалима до Иллирика и пострадавшем при Нероне в Риме. В точности так рассказано у Оригена в третьем томе его «Толкований на Бытие».

2

После мученической смерти Павла и Петра первым епископом Римской Церкви был по жребию назначен Лин. О нем упоминает Павел, посылая ему привет в конце Послания к Тимофею из Рима.

3

Послание Петра, именуемое первым, признается подлинным, и на него ссылаются в своих писаниях древние святители. Так называемое второе не числится, как мы слышали, среди книг Нового Завета, но многие считают его полезным и прилежно читают вместе с другими писаниями. (2) «Деяния» же, «Евангелие», «Проповедь» и «Апокалипсис», называемые по его имени, вовсе, как мы знаем, не включены в сочинения кафолические, и ни древние, ни современные церковные писатели не пользуются их свидетельствами. (3) В дальнейшем, говоря о преемственно сменявшихся епископах, я буду упоминать кстати, кто из тогдашних церковных писателей какими из оспариваемых книг пользовался, что говорится ими о книгах канонических, признанных, и о тех, которые к ним не относятся. (4) Но из сочинений, названных Петровыми, я признаю одноединственное подлинным; оно признаю и древними святителями. (5) Четырнадцать Павловых Посланий известны и принадлежат, несомненно, ему. Следует, однако, знать, что некоторые исключают Послание к Евреям, ссылаясь на Римскую Церковь, которая утверждает, что оно не Павлово. Что по этому поводу говорили наши предшественники, я изложу в свое время. Так называемые «Павловы Деяния» я не считаю среди книг

Продолжение. Начало в «Б. тр.», сб. 23.

беспорных. (6) Сам апостол, заключая приветствиями Послание к Римлянам, упоминает среди прочих Ерма, которому, как говорят, принадлежит книга «Пастырь»¹. Следует знать, что некоторые и ее оспаривают, почему она и не помещена среди общепризнанных. Другие же расценивают ее как необходимейшую, особенно для людей, знакомящихся с началами веры. Поэтому ее, как мы знаем, читают всенародно в церквах, и мне известно, что некоторые из древнейших писателей ею пользовались. (7) О писаниях беспорных и о тех, которые не всеми признаны, довольно.

4

Павел, проповедуя язычникам, положил основание церквам, начиная от Иерусалима и его окрестностей и до Иллирика; это явствует из его собственных слов и из повествования Луки в «Деяниях Апостолов». (2) И Петр сам рассказывает, в каких областях благовествовал он обрезанным о Христе, передавая им новозаветное слово. Из сообщений признанного Послания (мы об этом говорили) ясно, что он пишет евреям, находящимся в рассеянии по Галатии, Понту, Каппадокии, Азии и Вифинии. (3) Сколько и кто из этих людей стали настоящими ревнителями новой веры и оказались по испытанию способны стать пастырями Церквей, у них основанных, сказать трудно; можно только перечислить тех, о ком говорит Павел. (4) У него было множество соратников и, как он их сам называл, «соратников»; большинство из них удостоены памяти непреходящей, ибо Павел неоднократно свидетельствует о них в своих Посланиях. И Лука в «Деяниях» поименно упоминает наиболее известных. (5) Рассказывают, что Тимофею первому выпал жребий быть епископом в Ефесской Церкви, а Титу — в Критских церквах. (6) Лука, уроженец Антиохии и врач по образованию, большей частью находился вместе с Павлом и деятельно общался также с остальными апостолами. От них приобрел он умение врачевать души, каковое и показал в двух богодухновенных книгах: в Евангелии, которое начертал, по его свидетельству, «как передал и ему бывшие изначально свидетелями и служителями Слова»; им, по его словам, он и следовал с самого начала Книги и в «Деяниях Апостолов», которые составил не по рассказам, а как очевидец. (7) Говорят, что именно его Евангелие обычно имеет в виду Павел, когда пишет о некоем своем Евангелии: «по Евангелию моему». (8) Из остальных спутников Павла Крискент², по собственному свидетельству апостола, был отправлен в Галлию, а Лин, который во втором Послании к Тимофею упомянут как находящийся вместе с Павлом в Риме, первым после Петра получил епископство в Римской Церкви (об этом сообщалось выше). (9) Климент, собрат и сподвижник Павла, по его свидетельству, был третьим Римским епископом. (10) Лука сообщил также в «Деяниях», что член Ареопага, Дионисий именем, который первым уверовал после речи Павла к афинянам в Ареопаге, был первым епископом Афинской Церкви. Какой-то другой Дионисий, из старших, был пастырем Коринфского прихода. (11) Продвигаясь дальше, мы расскажем своевременно о последовательной смене апостольских преемников. Теперь же перейдем к следующим событиям.

5

После Неронова тринадцатилетнего правления прошло полтора года, пока события зависели от Гальбы и Отона, и Веспасиан, прославившийся в Иудейской войне, был в самой Иудее объявлен царем, ибо войско, там

находившееся, провозгласило его императором. Он немедленно отправился в Рим, а войну поручил своему сыну Титу³. (2) После же вознесения Спасителя нашего иудеи, осмелившиеся восстать на Него, стали всячески усердствовать в злоумышлениях против Его апостолов: сначала побили камнями Стефана, потом обезглавили Иакова, сына Зеведеева, брата Иоаннова, и, наконец, как мы уже рассказывали, умертвили Иакова, который первым по вознесении Спасителя нашего был избран на епископское седалище в Иерусалиме. Так как тысячами способов покушались они на жизнь и остальных апостолов, то апостолы, изгоняемые из Иудейской земли, обратились с помощью Христовой на проповедь всем народам, ибо Он сказал им: «Идите, научите все народы во имя Мое». (3) Более того, люди, принадлежавшие к Иерусалимской Церкви, повинувшись откровению, данному перед войной почтенным тамошним мужам, покинули Иерусалим и поселились в Перее, в городе Пелле; уверовавшие в Христа выселились из Иерусалима; вообще все святые оставили столицу Иудеи и всю Иудейскую землю. Божий суд постиг, наконец, иудеев, ибо велико было их беззаконие пред Христом и Его апостолами; стерт был с лица земли род этих нечестивцев. (4) Сколько горя обрушилось тогда повсеместно на целый народ, и особенно на жителей Иудеи, дошедших до предела бедствий! Сколько юношей в цвете лет вместе с женщинами и детьми погибли от меча, голода или умерли иной смертью! Сколько иудейских городов были в осаде и в какой! Какие ужасы и больше, чем ужасы, видели беженцы, устремившиеся в Иерусалим, будто в неприступную столицу. А весь облик войны и то, что происходило в отдельных случаях, и какая, наконец, по слову пророков, мерзость запустения в издревле прославленном храме Божиим, до основания уничтоженном и сожженном! Кому любопытно, может в точности прочесть об этом в «Истории» Иосифа. (5) Необходимо отметить особо его собственный рассказ о том, как на праздник Пасхи собрались люди со всей Иудеи и в Иерусалиме оказалось, как в темнице, заперто около трех миллионов человек. (6) А надлежало им оказаться запертыми, как в темнице, и принять по Божию суду гибель как раз в те дни, когда предан был на мучения Спаситель и Благотворитель всех — Христос, Сын Божий.

(7) Я пройду мимо убитых и погибших как-либо по-другому, но считаю обязательным рассказать о страданиях от голода, чтобы читатели моего сочинения могли хоть отчасти узнать, что Господь не откладывал наказания за беззакония, творимые над Христом, Сыном Божиим.

6

Итак, возьми пятую книгу «Истории» Иосифа и прочти о трагедии тех дней.

«Богатым, — говорит он, — остаться в городе значило погибнуть: под предлогом, что такой-то хочет перебежать к врагу, его убивали — богатства его ради. Вместе с голодом возрастало и безумие мятежников; с каждым днем то и другое разрасталось в нечто страшное. (2) Хлеба нигде не было видно; мятежники врываются в дома и перерывают всё; найдя хлеб, били хозяев за то, что те отказывались его выдать, а ничего не найдя, пытали их, как злостных укрывателей. Вид несчастных свидетельствовал о том, есть у них что-нибудь или нет. Считалось, что у тех, кто крепок, еда в избытке; мимо изможденных проходили: бессмысленно было убивать тех, кто вот-вот умрет с голоду. (3) Многие тайком меняли свое имущество: кто побогаче — за одну меру пшеницы, а кто победнее —

за меру ячменя. И затем запирались в самом дальнем углу дома и ели: люди совершенно оголодавшие — просто сырое зерно; другие разваривали его, насколько это допускали необходимость и страх. (4) Стола нигде не ставили: выхватывали еду из огня и глотали еще полусырую. Жалкая пища и зрелище, достойное слез: те, кто посильнее, хватали побольше, слабые плакали. (5) Голод одолел все чувства, но что совершенно убил, так это стыд. То, что когда-то было предметом заботы, теперь оказалось в пренебрежении. Пищу изо рта вырывали жены у мужей, дети у отцов и — это вызывает особенную скорбь — матери у малых детей. Родные дети угасали на руках, и от них отнимали крохи, необходимые для жизни. (6) Но и этим едокам не удалось укрыться. Всюду действовали и грабили мятежники. Если дом был заперт, это был признак, что там едят; тут же выбивали двери, вламывались и уносили кусочки хлеба, только что не выдавив их из горла. (7) Стариков, вцепившихся в съестное, били; женщин, что-то прятавших в руках, волокли за волосы; не было жалости ни к старческим сединам, ни к младенческому возрасту. Детей, крепко державших кусочек снеди, поднимали вверх и, раскачав, ударяли об пол. Особенно жестоки, словно к своим обидчикам, были к тем, кто, предупредив их нашествие, успевал проглотить то, что они рассчитывали забрать. (8) Они придумывали страшные пытки, только бы разыскать съестное. Несчастливым затыкали задний проход стеблями чины и острыми спицами протыкали ягодицы. Даже слушать страшно, какими мучениями вынуждали признаться в том, что припрятан один хлеб или горсть пшеничной муки. (9) Сами истязатели ничуть не голодали (жестокость, вынужденная необходимостью, казалась бы меньшей); в своем упорном безумии они заготавливали припасы на много дней. (10) Они выходили навстречу людям, доползавшим по ночам до римских постов, чтобы набрать диких овощей и травы, и, когда те уже думали, что ускользнули от врага, отбирали их ношу и, хотя те умоляли, заклиная страшным именем Божиим, вернуть хоть часть того, что они принесли с опасностью для жизни, часто ничего не возвращали. Хорошо было, если и не убивали ограбленного».

(11) Затем он говорит следующее: «Вместе с надеждой на выход из города исчезла у иудеев и всякая надежда на спасение. Голод рос и пожирал целые дома и семейства. На крышах кучи мертвых женщин и младенцев, на улицах трупы стариков; (12) распухшие отроки и юноши блуждали, как привидения, по площадям и падали, где кого заставала смерть. У истощенных не было сил хоронить близких, а кто был еще в силах, те не торопились с похоронами и потому, что трудов было очень много, и потому, что собственная их судьба была темна. Многие, хороня, тут же и умирали; многие сами шли на кладбище, не дожидаясь смертного часа. (13) Не было ни надгробного плача, ни воплей; голод подверг проверке чувства: люди, обреченные на горькую смерть, сухими глазами смотрели на тех, кто уже обрел покой. Город окутало глубокое молчание; все гуще становился мрак смертной ночи. (14) Но разбойники были страшнее. Они подкапывались под дома, грабили мертвых и, сорвав с них покровы, с хохотом удалялись. Они испытывали на мертвых острия своих мечей: меч проверяли, вонзая в упавших, но еще живых людей. Умолявших помочь им рукой и мечом они презрительно оставляли в добычу голоду. Каждый, умирая, не отводил глаз от храма, не думая больше о мятежниках, которые оставались живы. (15) Эти последние, не вынося зловония, отдали сначала приказ хоронить умерших на общественные

деньги, а потом, когда денег не хватило, сбрасывать со стен во рвы. Тит, обходя их, увидел, что они полны мертвых, гниющих тел, из которых целыми ручьями течет сукровица; он застонал и, простерши руки, призвав Бога свидетелем, воскликнул: «Не мной совершенно это!». (16) Затем идет такая вставка: «Я не скрою того, сказать о чем велит мне моя скорбь: если бы римляне замедлили наказать преступных, то город или поглотила бы разверзшаяся бездна, или его залгло бы потоком, или поразило содомскими громами. Ведь это было поколение, гораздо безбожнее принявшего ту казнь: ибо от безумия этих людей погиб весь народ».

(17) А в шестой книге он пишет так: «Погибло в городе от голода неисчислимое множество, страдания бывали невыразимые. В каждом доме, где были какие-то крохи еды, шла война; самые близкие люди вступали в драку друг с другом, вырывая жалкое средство выжить. Даже умирающим не верили, что у них ничего нет. (18) Разбойники обыскивали еще дышавших, нет ли у кого еды за пазухой, не притворяется ли человек, что умирает. Люди, разинув от голода рот, спотыкаясь, словно бешеные собаки, и сбиваясь с дороги, натыкались, как пьяные, на двери, и ничего уже не помнили, и за час по два, по три раза заходили в один и тот же дом. (19) Вынуждены были есть всё: дошли до того, что собирали в пищу то, что не годилось для самых нечистых животных. Не брезгали под конец поясами и сандалиями, сдирали кожу со щитов и жевали ее. В пищу шли клочки старого сена. Некоторые собирали высохшие стебли и продавали за четыре аттических драхмы крохотное по весу количество их. Но что говорить о том, что голод не разбирает между предметами неодушевленными! (20) Я собираюсь описать одно событие; о таком не расскажут ни у эллинов, ни у варваров; страшно о нем рассказывать: слушаешь и не веришь. Я же, чтобы не показаться потомкам собирателем страшных рассказов, охотно умолчал бы об этом горестном происшествии, если бы свидетелями его не были множество моих современников. И плохую бы услугу оказал я отечеству, не рассказав о всех его страданиях.

(21) За Иорданом в деревне Вафезор (что значит «дом иссопа») жила женщина, по имени Мария, дочь Елеазара. Была она богата и знатна; вместе с толпой беженцев пришла в Иерусалим и оказалась в осажденном городе. (22) Тираны расхитили ее имущество, привезенное из Перен в Иерусалим; оставшиеся драгоценности и, если что было припасено из съестного, похищали ежедневно вламывавшиеся вооруженные люди. Это приводило женщину в негодование, но своей бранью и проклятиями она их только раздражала. (23) Никто, однако, не убил ее ни в гневе, ни из жалости; и вот, находить хлеб для других она устала, да и найти его было трудно, а голод проникал в ее внутренности и в самый мозг. Но еще сильнее голода ее жгло неистовое раздражение. Слушаясь советов нужды и собственного ожесточения, она пошла против природы и, схватив дитя — у нее был грудной младенец, — воскликнула: (24) «Несчастный малютка! Вокруг война, голод, мятеж — для кого из них берегу я тебя? У римлян, если они и оставят нас в живых, ждет рабство, да только голод осилит раньше рабства; а мятежники хуже и того, и другого. Стань же для меня пищей, для мятежников — проклятием, для людей — страшной сказкой, только такого и не хватало среди иудейских бедствий». (25) Говоря так, она убивает сына: зажарив, половину съедает, а остальное прячет и хранит. Мятежники появились сразу, учуяв запах этого страшного мяса, и пригрозили немедленно убить ее, если она не покажет

то, что приготовила. Сказав им, что для них оставлена хорошая доля, она раскрыла остатки ребенка. (26) Ужас и смятение охватили их; они окаменели перед этим зрелищем. А она: «Это мое родное дитя и мое дело. Кушайте, ведь и я ела; не будьте слабее женщины и сострадательнее матери. Если же вы люди благочестивые и отворачиваетесь от моей жертвы, то я ела за ваше здоровье, пусть мне будет и остаток». (27) Мятежники ушли, трепеща; единственный раз они струсили и уступили матери эту — трудно так назвать ее — пищу. Город был полон ужаса и отвращения. Каждый, воочию представляя эти страсти, содрогался, словно он сам совершил это. (28) Теперь изголодавшиеся люди мечтали о смерти и почитали счастливыми тех, кто не дожид до того, чтобы увидеть такое или услышать о таком.

7

Так поплатились иудеи за свое бесчестие и за беззакония, совершенные над Помазанником Божиим. Стоит привести им неложные слова Спасителя нашего, в которых все это было предсказано: «Горе же имеющим во чреве и питающим сосцами в те дни. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимой или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира донныне, и пусть бы не было». (2) Подсчитывая все число погибших, Иосиф говорит, что были убиты и погибли от голода 1 000 000 человек⁴; «оставшиеся мятежники и разбойники, выдававшие друг друга после взятия города, были казнены; юношей, отличавшихся ростом и красотой, берегли для триумфа; из остальных тех, кто был старше 17 лет, заковали и отправили на работы в Египет; еще большее число распределили по провинциям умирать в гладиаторских поединках и схватках со зверями. Тех, кто был младше 17 лет, отвели в рабство и продали; только этих последних насчитывалось 90 000. (3) Это происходило на втором году царствования императора Веспасиана, согласно с пророчествами Господа нашего Иисуса Христа, Который по Своей Божественной силе провидел будущее, как уже происшедшее. Святые евангелисты пишут, что Он прослезился и заплакал, и приводят слова Его, обращенные к самому Иерусалиму: «О, если бы ты, хотя бы в этот твой день узнал, что служит к миру твоему! (4) Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих... (5) Велико будет бедствие на земле и гнев на народ этот, и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы, и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников». И еще: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что пришло запустение его». (6) Сравнивая эти слова Спасителя нашего с историей всей войны у Иосифа, как не удивляться Божественному, воистину сверхъестественному предвидению Спасителя нашего и Его пророчеству?

(7) Незачем еще рассказывать, что случилось со всем народом после спасительных Страстей и тех воплей, которыми иудейская толпа разбойника и убийцу вызволяла от смерти и умоляла забрать от них Владыку жизни. (8) Справедливо, однако, сказать о том, как проявило себя чело-веколюбие Всеблагото Провидения: на целых сорок лет после преступления, учиненного над Христом, отложена была их гибель. В эти годы еще были живы многие апостолы и ученики и сам Иаков, первый тамошний епископ, почитаемый в качестве брата Господня; город Иерусалим был местом пребывания их, а они были для него стеной необоримой. (9) Гос-

подь в Своем смотреии долготерпеливо ждал, не раскаются ли они в содеянном и не смогут ли получить прощение и спастись. И при таком великом долготерпении Он еще посылал им удивительные предзнаменования того, что с ними случится, если они не покаются. И так как названный писатель счел их достойными упоминания, то всего лучше сообщить об этом тем, кто обратится к этому сочинению.

8

Итак, возьми же его «Историю» и прочти в шестой книге следующее: «Несчастливым народом руководили тогда обманщики, ложно ссылавшиеся на Бога; поэтому на явные и страшные знамения, предвещавшие будущее запустение, люди не обращали внимания и не верили им. Слово поразенные молнией, ослепшие и потерявшие сознание, они не прислушались к Божиим вещаниям (2) и тогда, когда над городом стояла звезда, похожая на фракийский меч, и целый год не сходила с неба комета. Еще до восстания и волнения, предшествовавшего войне, когда народ собрался на праздник опресноков, в восьмой день месяца Ксанфика, около девятого часа ночи жертвенник и храм сиял такой свет, что, казалось, наступил ясный день. Это продолжалось около получаса. Людям несведущим это показалось добрым знаком; книжники сразу поняли будущее, еще до того, как оно сбылось. (3) В этот же праздник корова, которую первосвященник вел в жертву, обьягнилась посреди храма. (4) Восточные внутренние ворота, медные и чрезвычайно тяжелые, которые двадцать человек, с трудом закрыв под вечер, запирали железными коваными засовами, входившими в очень глубокие дыры, около часа ночи сами собой открылись. (5) А через несколько дней после праздника, в 21 день месяца Артемисия, увидели знамение дивное и невероятное; рассказ о нем может показаться сказкой, если бы о нем не передавали очевидцы и если бы последующие бедствия не соответствовали таким знамениям. Перед заходом солнца по всей стране увидели войско в воздухе, боевые колесницы и вооруженные фаланги, стремившиеся сквозь облака и окружавшие город. (6) А в праздник, именуемый Пятидесятницей, священники, по своему обыкновению вошедшие ночью в храм для богослужения, уловили, по их словам, какой-то шум и движение, а затем и голоса, согласно восклицавшие: «Выйдем отсюда». (7) А вот происшествие еще более страшное: некий Инсус, сын Анании, протест, селянин, за четыре года до войны, когда город мирно жил в полном благополучии, придя на праздник, когда по обычаю всё строят куши, вдруг начал кричать в храме: «Речь от востока, речь от запада, речь от четырех ветров, речь к Иерусалиму и храму, речь и женихам и невестам, речь ко всему народу». День и ночь он выкрикивал это по всем улицам. (8) Кое-кто из людей знатных в народе, досадуя на зловещие слова, велел схватить этого человека и сильно его избить. Он, ничего не сказав в свою защиту и не обратившись к присутствующим, продолжал выкрикивать то же самое. (9) Власти, решив — и совершенно верно, — что человек этот одержим чем-то свыше, ведут его к римскому наместнику⁵. Его истерзали, бичуя до костей, но он не умолял и не плакал, а только самым жалобным голосом на каждый удар отвечал: «Горе, горе Иерусалиму».

(10) Этот же писатель передает известие, еще более удивительное. В Священном Писании, по его словам, есть предсказание, что как раз в это время некий земляк их будет править миром. Сам он считает, что оно исполнилось на Веспасиане. (11) но ведь Веспасиан правил не всем

миром, а только той частью, которой владели римляне. Правильнее было бы отнести это пророчество к Христу, Которому сказано Отцом: «Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе», и в это же самое время «проходит по всей земле голос святых апостолов и до пределов вселенной слова их».

9

После всех этих рассказов следует познакомиться и с Иосифом, который так помогал нам, занятым нашей работой. Откуда он? Какого рода? Он сам так говорит об этом: «Я Иосиф, сын Маттафии, священник из Иерусалима. Сначала я воевал с римлянами, а в дальнейшем присоединился к ним по необходимости».

(2) В это время он стал самым знаменитым человеком не только у своих соотечественников-иудеев, но и у римлян; его даже почтили в Риме статуей, а его работы были удостоены книгохранилища. (3) Он в целых двадцати книгах изложил все иудейские древности, а в семи — историю современной ему войны с римлянами. Он написал ее, по собственному его свидетельству, не только по-гречески, но и на родном языке и достоин доверия, судя по всему остальному. (4) Есть у него еще два стоящих сочинения: «О древности иудейского народа», где, между прочим, он возмущает Апиону-грамматiku, составившему тогда книгу против иудеев, и другим писателям, пытавшимся оклеветать отечественные обычаи иудеев. (5) В первой из этих книг он устанавливает число книг так называемого Ветхого Завета и говорит, какие у евреев не оспариваются, ибо передаются издревле. Он говорит о них в следующих словах:

10

«У нас нет тысяч книг, между собой не согласных, одна другую опровергающих; есть только 22 книги, охватывающие все прошлое и по справедливости считающиеся Божественными. (2) Из них пять принадлежат Моисею. В них содержатся законы и предания о поколениях людей, живших до его смерти — это промежуток в три тысячи лет без малого. (3) События от кончины Моисея и до смерти Артаксеркса, царствовавшего в Персии после Ксеркса, описали в тринадцати книгах пророки, жившие после Моисея, современники происходившего. Остальные книги содержат гимны Богу и наставления людям, как жить. (4) Все случившееся от Артаксеркса и до нашего времени описано, но книги эти не заслуживают такой же веры, как вышеупомянутые, потому что авторы их не находились по отношению к пророкам в строгом преемстве. (5) Как мы относимся к нашим книгам, это видно на деле: прошло уже столько веков, и никто не осмелился ничего ни прибавить к ним, ни отнять, ни переставить; иудеям врожденна вера в это учение как Божественное: его следует крепко держаться, а если надо, то умирать за него с радостью».

(6) Да пойдут на пользу приведенные здесь слова. Старательно поработал этот человек и над другим, достойным его, произведением: «Разум-Самодержец». Некоторые означают его именем Маккавейской книги, потому что в нем, как и в так называемых «Книгах Маккавеев», описана мужественная борьба, которую вели евреи за веру и своего Бога. (7) В конце двадцатой книги «Древностей» он сам заявляет о своем намерении изложить в четырех книгах, что думают, согласно вере отцов, иудеи о Боге, Его сущности и законах, почему они разрешают делать одно и запрещают другое. Прилежно работал он и над другими вопросами,

о чем вспоминает в своих сочинениях. (8) Чтобы утвердиться в доверии к его свидетельству о событиях, ему известных, разумно прибавить еще слова, приведенные им в конце «Древностей». Укоряя Юста из Тивериады, тоже пытавшегося написать историю своего времени, в том, что он не писал правдиво, и требуя от него отчета во многом, он заключает такими словами:

(9) «Я вот не боялся, как ты, за свое сочинение. Я вручил императорам эти книги почти в виду происходящего. Я сознавал в себе блюстителя истины, которую я сообщал им, и не ошибся, ожидая от них подтверждения. (10) Давал я свою историю и многим другим, в том числе и участникам войны, как, например, царю Агриппе и некоторым его родственникам. (11) И вот, император Тит пожелал, чтобы люди знакомылись с этими событиями только по моим книгам. Он велел их обнародовать, скрепив приказ собственноручной подписью. Царь Агриппа написал 62 письма, свидетельствуя о правдивости сообщаемого».

Два таких письма Иосиф приводит. Но об Иосифе мы сообщили достаточно.

11

Перейдем к последующим событиям. После мученической кончины Иакова и непосредственно затем взятия Иерусалима апостолы и ученики Господни, оставшиеся еще в живых, сошлись отовсюду, по преданию, вместе со сродниками Господа по плоти (многие из них были тогда еще живы) и стали все вместе держать совет, кого счесть достойным преемником Иакова. Все единодушно признали достойным здешнего престола Симеона, сына Клеопова, о котором упомянуто в Евангелии. Говорят, что он приходился Спасителю двоюродным братом. Егезипп пишет, что Клеопа был братом Иосифа.

12

Рассказывают, что Веспасиан после взятия Иерусалима велел разыскать всех потомков Давида, чтобы не осталось евреям никого из царского рода. Поэтому поднялось опять на иудеев великое гонение⁶.

13

После десяти лет царствования Веспасиана ему наследовал сын его Тит⁷. На втором году его царствования Лин, епископ Римской Церкви, двенадцать лет служивший ей, передал ее Анаклету. Титу, царствовавшему два года и столько же месяцев, наследовал его брат Домициан.

14

На четвертый год царствования Домициана Анниан, первый епископ Александрийской Церкви, когда исполнилось двадцать два года его служения, скончался. Его преемником и вторым епископом был Авиллий.

15

На двенадцатом году царствования Домициана Анаклета, бывшего двенадцать лет епископом Римской Церкви, сменил Климент, которого апостол в Послании к Филиппийцам называет своим сотрудником: «С Климентом и прочими сотрудниками моими, которых имена в книге жизни».

16

Имеется одно большое и удивительное письмо Климента, согласно признаваемое подлинным; оно написано от имени Римской Церкви к Церкви Коринфской, ибо в Коринфе случился тогда раздор. Мы знаем, что письмо это издавна читали народу во многих церквах; читают и теперь. А что Коринф был охвачен раздором, этому достоверный свидетель Егезипп.

17

Домициан был свиреп ко многим людям: казнил в Риме без настоящего суда немало людей видных и знатных; тысячи известных людей, ни в чем не повинных, отправил в изгнание и отобрал их имущество. Под конец он явил себя преемником Нерона в ненависти к Богу и в богоборчестве. Он был вторым поднявшим против нас гонение, хотя отец его Веспасиан не замышлял против нас ничего плохого.

18

Тогда же, как рассказывают, апостол и евангелист Иоанн, бывший еще в живых, за свое свидетельство о Слове Божием осужден был жить на острове Патмосе. (2) Иринея пишет о числе антихристов имени в так называемом Иоанновом Апокалипсисе. В пятой книге «Против ересей» он говорит об Иоанне слово в слово так: (3) «Если бы надлежало в настоящее время возвестить имя антихриста, он был бы назван тайнозрителем. Откровение было дано ему совсем недавно, почти в наш век, перед концом Домицианова царства».

(4) В описываемое время вера наша настолько просияла, что и писатели, далекие от нашего учения, не замедлили рассказать об этом преследовании и его мучениках. С точностью обозначали они его время: в пятнадцатый год Домициана Флавия Домицилла, племянница Флавия Климента⁸, одного из тогдашних римских консулов, за исповедание Христа была вместе с многими другими наказана ссылкой на остров Понтию.

19

Есть древнее сказание о том, что когда Домициан распорядился истребить всех из рода Давида, то кто-то из еретиков указал на потомков Иуды (он был братом Спасителя по плоти), как происходящих из рода Давида и считающихся родственниками Христа. Об этом так дословно повествует Егезипп:

20

«Еще оставались из рода Господня внуки Иуды, называемого по плоти братом Господним. На них указали как на потомков Давида. Эвокат⁹ привел их к кесарю Домициану: тот боялся, так же, как и Ирод, пришествия Христа. (2) Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только 9000 динариев, из которых каждому причитается половина; они у них не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плафров¹⁰ земли. Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками. (3) Затем они показали свои загорбелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжком труде и непрестанной работе. (4) На вопрос о Христе и Его Царстве, что это такое, где и когда оно явится, они ответили, что оно не от мира и

будет не на земле, а на небе с ангелами и явится при свершении века, когда Христос, придя во славе, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому за его жизнь. (5) Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на Церковь прекратил указом. (6) Освобожденные стали во главе Церквей как мученики и как происходящие из рода Господня. Времена настали мирные, и они дожили до воцарения Траяна». (7) Это пишет Егезипп; вспоминает о Домициане и Тертуллиан: «Попытался он делать то же самое, унаследовав нечто от Нероновой жестокости, но, думаю, имея долю здравого смысла, скоро остановился, возвратив и тех, кого изгнал».

(6) После пятнадцатилетнего владычества Домициана власть принял Нерва¹¹; историки того времени пишут, что по постановлению римского сената почести Домициану были отменены, а несправедливо высланные им возвращены. (9) Тогда же, как сообщают наши древние писатели, апостол Иоанн покинул остров, куда был сослан, и устроился на жительство в Ефесе.

21

После Нервы, царствовавшего год с небольшим, власть получил Траян¹². В первый же год его царствования Авниая, тринадцать лет управлявшего Александрийской Церковью, сменил Кердон. После Анниана, первого тамошнего епископа, он был третьим. В Риме в это время Церковью управлял Климент, тоже третий из получивших там епископское достоинство после Павла и Петра. Первым был Лин, после него — Анаклет.

22

В Антиохии после первого епископа Еводия славен был Игнатий, второй епископ; Симеон тоже был вторым, управлявшим в это время Иерусалимской Церковью после Иакова, брата Спасителя нашего.

23

В это время в Азии еще жил апостол и он же евангелист Иоанн, тот самый, кого возлюбил Иисус. По возвращении из ссылки с острова после смерти Домициана он имел попечение о тамошних Церквях. Что он дожил до этого времени, это достаточно засвидетельствовано двумя вернейшими свидетелями, вождями церковного правоверия: Иринеем и Климентом Александрийским. (3) Первый из них во второй своей книге «Против ересей» повествует дословно так: «Все асийские пресвитеры, обвинявшиеся с Иоанном, учеником Господним, свидетельствуют, что он рассказывал об этом; он ведь был с ними до времени Траяна».

(4) В третьей же книге того самого сочинения он пишет: «И Церковь, основанная Павлом в Ефесе — Иоанн жил там до времени Траяна, — правдивая свидетельница апостольского рассказа».

(5) Климент, тоже упоминающий это время, поместил в своем сочинении, озаглавленном «Какой богач спасется?», этот рассказ, очень поучительный для тех, кто любит слушать хорошее и полезное. Возьми же и прочти, что написано:

(6) «Выслушай не сказку, а рассказ об апостоле Иоанне. Его нам передали, а мы его крепко запомнили. Вернувшись после смерти тирана с Патмоса в Ефес, он, по приглашению, навещал ближайшие местности —

где поставить епископов, где устроить целые Церкви, где ввести в клир человека, указанного Духом. (7) Придя в один город неподалеку (некоторые называют и его имя), он водворил спокойствие среди братьев, и, заметив юношу, видного собой, красивого и пылкого, апостол обратился к тамошнему епископу, которого поставил: «Я целиком уверяю его тебе пред лицом Церкви и Христа». Епископ юношу взял и все пообещал; а Иоанн повторил свои слова и просил вновь их засвидетельствовать. (8) Затем он отбыл в Ефес, а епископ, взяв к себе в дом порученного ему юношу, содержал его, опекал, оберегал и, наконец, окрестил. Теперь он стал менее заботлив и менее охранял его, считая верхней охраной печать Господа. (9) К юноше, преждевременно выпущенному на волю, на погибель ему, пристали сверстники — отъявленные бездельники, привыкшие к дурному. Сначала они водили его с одного роскошного пира на другой, затем повели ночью на воровство, а затем сочли способным участвовать и в больших преступлениях. (10) Он постепенно привыкал и по своей богатой природе, словно мощный, норовистый конь, закусил удила, свернул с прямой дороги и понесся прямо в пропасть. (11) Отчаявшись наконец спастись в Боге, он стал замышлять дела немалые: раз все равно погибать, так уж страдать наравне с другими, свершив нечто крупное. Он собрал разбойничью шайку из тех самых товарищей и стал истым ее главарем: насильником, убийцей, злодеем паче всех. (12) Между тем, по какому-то нужному делу пригласили Иоанна. Он, устроив все, ради чего прибыл, говорит: «Теперь отдай нам, епископ, залог, который я и Христос вверили тебе, чему свидетельницей Церковь, которой ты управляешь». (13) Епископ сначала перепугался, думая, что его ложно обвинили в похищении денег, которых он не брал; он не мог согласиться с тем, чего не было, но не мог и не доверять Иоанну. «Юношу и душу брата твоего требую», — сказал тот. Тогда епископ застонал из глубины сердца и сказал: «Умер он». — «Как и какой смертью?» — «Умер для Бога: законченный негодяй и, более того, разбойник; вместо Церкви он теперь на горé с воинством ему подобных». (14) Апостол разорвал на себе одежду и, громко стеля, осыпал ударами свою голову: «Хорошего же стража оставил я брату! Коня мне и кого-нибудь проводником». И прямо тут же он, как был, поскакал от церкви. (15) Приехав, куда указали, он был схвачен разбойничьей заставой, но не стал ни убегать, ни отпрашиваться, а кричал: «Я за тем и пришел: ведите меня к своему начальнику». (16) Тот вооружился и стоял, поджидая, но, узнав подходившего Иоанна, кинулся от стыда бежать. Иоанн, забыв свои лета, погнался за ним что было мочи с воплем: (17) «Дитя, что ты бежишь от меня, своего отца, от безоружного, от старого? Пожалей меня, дитя! Не бойся, есть у тебя еще надежда на жизнь. Я отвечу Христу за тебя; если нужно, смерть за тебя приму, как принял ее за нас Господь. Душу отдам за тебя. Остановись же, поверь: Христос послал меня». (18) Разбойник слушал, постоял, сперва потупившись, затем бросил оружие и, содрогаясь в горьких рыданиях, обхватил подошедшего старца; защитой ему был его плач, слезами он крестился вторично. Все время, однако, он прятал правую руку. (19) Апостол клятвенно поручился, что обречено ему прощение у Спасителя; умолял его, стоял на коленях и поцеловал правую его руку, как очищенную покаянием, и привел его таким образом обратно в Церковь. Непрестанно молясь за него, непрестанно упражняя его в посте и сам постясь с ним, наставляя его всячески умилительными сказаниями, он оставил его, говорят, не раньше, чем водворил в Церковь того, кто подал

великий пример истинного покаяния, великое знамение возрождения и победный знак зримого воскресения».

24

Вот рассказ Климента, приведенный мною для ознакомления и назначения тех, кому случится его прочесть.

Отберем несомненные писания этого апостола. (2) Во-первых, бесспорно признается за ним Евангелие, известное всем Церквам, существующим под небом. Почему древние столь разумно отвели ему четвертое место после остальных трех, это сейчас станет ясно. (3) Дивные и воистину угодные Богу мужи — я говорю об апостолах Христовых, — проводившие жизнь в совершенной чистоте, украсившие душу всеми добродетелями, говорили языком простым. Они полагались на Божественную и чудесную силу, дарованную Христом, но не умели, да и не пытались рассказать об учении Христа убедительным и искусным словом. Только при помощи Духа Божия и по Его указанию, только по чудодейственной силе Христовой, в них действовавшей, разносили они по всей вселенной весть о Царствии Небесном, не умея тщательно подбирать слова, да и мало об этом беспокоясь. (4) Они поступали так, потому что несли служение великое и превышающее человеческие силы. Ведь и Павел, превосходивший всех богатством слов и обилием мысли, написал только несколько коротеньких Посланий, хотя мог поведать о многом неизреченном, ибо, созерцая третье небо и прикоснувшись ему, восхищенный в дивный рай, удостоился слышать слова несказанные. (5) Всымы они были и остальным последователям Спасителя нашего: двенадцати апостолам, семидесяти ученикам и множеству других, и, однако, воспоминания о жизни с Христом оставили из них нам только Матфей и Иоанн, да и они, по преданию, взялись писать по необходимости. (6) Матфей первоначально проповедовал евреям; собравшись же и к другим народам, вручил им свое Евангелие, написанное на родном языке. Отзываемый от них, он оставил им взамен себя свое Писание. (7) Уже и Марк, и Лука дали людям свои Евангелия, а Иоанн, говорят, все время проповедовал устно и только под конец взялся за писание вот по какой причине. Когда первые три Евангелия разошлись повсюду и дошли до него, он, говорят, счел долгом засвидетельствовать их правдивость, но заметил, что в них недостает рассказа о первых деяниях Христовых, совершенных в самом начале Его проповеди. И это верно. (8) Трое евангелистов знали, по-видимому, только то, что совершил Спаситель в течение года после заключения Иоанна Крестителя в темницу. Об этом они написали и с этого начали свое повествование. (9) Матфей, действительно, после рассказа о сорокадневном посте и последующем искушении сам указывает на время, о котором пишет: «Услышав же, что Иоанн отдан под стражу, удалился (из Иудеи) в Галилею». Так же и Марк: (10) «После того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею». И Лука соблюдает приблизительно тот же срок: прежде чем говорить о делах Спасителя, он упоминает, что Ирод добавил к своим преступлениям еще одно: «заключил Иоанна в темницу». (11) Иоанна, говорят, стали поэтому спрашивать поведать в своем Евангелии о том времени, о котором молчат первые евангелисты, и о делах, совершенных Спасителем тогда, а именно — до заключения Крестителя. Он и сам говорит об этом: «Так положил Иисус начало чудесам», и, рассказывая о делах Иисуса, вспоминает, что Креститель тогда еще крестил в Ефоне, близ Салима; это ясно из его слов: «Иоанн еще не был брошен в темницу».

(12) Иоанн в своем Евангелии повествует только о том, что свершил Христос до того, как Иоанн был брошен в темницу; остальные же три евангелиста — о том, что было после заключения Крестителя. (13) Вот почему человеку, который это учтет, не придет в голову, что они разогласят между собой; Евангелие от Иоанна охватывает первоначальную деятельность Христа, остальные дают историю последних Его лет. Иоанн, видимо, умолчал о родословной по плоти Спасителя нашего потому, что Матфей и Лука ее уже изложили, и начал с учения о Его Божественности, которое для него, как более достойного, словно оберегал Дух Божий. (14) О Евангелии от Иоанна сказано достаточно. Причина, по которой написал Евангелие Марк, указана нами выше. (15) Лука, приступая к своему творению, сам привел причину, почему за него принялся: так как многие торопливо и необдуманно взялись за изложение событий, ему в точности известных, то он счел необходимым избавить нас от споров и сомнений и в своем Евангелии правдиво рассказал о событиях, в достоверности которых убедился, беседуя с Павлом и общаясь с остальными апостолами. (16) Вот что следовало сказать о Евангелиях; мы постараемся кстати и точнее, используя и высказывания старых писателей, изложить и другие мнения.

(17) Из писаний Иоанна, кроме Евангелия, бесспорным и сейчас, и в старину признается Первое Послание. (18) Два остальных оспариваются; мнения об Апокалипсисе расходятся и доныне. В свое время и они подвергнуты будут суду на основании свидетельства древних.

25

Тут, кстати, перечислим уже известные нам книги Нового Завета. На первом месте поставим, конечно, святую четверицу Евангелий, за ней следуют «Деяния Апостолов»; (2) потом Павловы Послания, непосредственно за ними — Первое Иоанново и бесспорное Петрово, а потом, если угодно, Апокалипсис Иоанна, о котором в свое время поговорим. Это книги бесспорные. (3) Среди оспариваемых, но большинством принятых: Послания, именуемые одно Иаковлевым, другое Иудиним, и Второе Петрово, также Второе и Третье Иоанновы: может быть, они принадлежат евангелисту, а может быть, какому-то его тезке.

(4) К подложным относятся: «Деяния Павла», книга под названием «Пастырь», «Апокалипсис Петра», послание, признаваемое Варнавиним, так называемое «Учение апостолов» и, как я сказал, пожалуй, Иоаннов Апокалипсис, который одни отвергают, а другие относят к признанным книгам. (5) Некоторые помещали среди этих книг и Евангелие от Евреев, которое больше всего любят евреи, уверовавшие в Христа. Все это книги отвергаемые, (6) и мы сочли необходимым составить их список, полагая, что мы должны знать, какие книги подлинны, не измышленны и приняты церковным преданием и какие, наоборот, из книг Нового Завета исключены, хотя известны большинству церковных писателей. Следует знать и эти книги, и те, которые у еретиков слышат под именем Евангелий апостолов: Петра, Фомы, Матфея и еще других, а также Деяния будто бы Андрея, Иоанна и прочих апостолов. Эти книги никогда не удостоивал упоминания ни один из церковных писателей. (7) Да и речь их и слог очень отличаются от апостольского духа, мысли же и все учение в целом далеко не согласуется с истинным правоверием: это явно выдумки еретиков. Поэтому книги эти следует не то что причислять к подложным, а вовсе отвергать, как совершенно нелепые и нечестивые.

26

А теперь перейдем к изложению дальнейших событий. Менандр, пресмник Симона Волхва, оказался вторым орудием днавола, и не хуже первого. Он был тоже самарянин; поднявшись, как учитель, до вершин чародейного искусства, он еще больше удивлял своимн фокусами, говоря, что он спаситель, посланный для спасения людей откуда-то свыше, из области незримых зонов. (2) Он учил, что никто даже из ангелов, создателей космоса, не может достичь совершенства, пока он опытно не познакомится с магией, которой он, Менандр, обучает, и от него не примет крещения. Удостоившиеся его будут вечно жить этой самой жизнью, никогда не умрут, останутся тут же вечно молодыми и бессмертными. Об этом легко узнать у Иринея. (3) И Иустин, вспоминая Симона, рассказывает, между прочим, следующее:

«Мы знаем, что Менандр, тоже самарянин из деревни Капаратеи, ученик Симона, также подстрекаемый демонами, будучи в Антиохии, многих обманул своим магическим искусством. Он убедил своих учеников, что они не умрут. И теперь есть его последователи, которые думают так же.

(4) Действовал же здесь, конечно, днавол, старавшийся через этих шарлатанов, принявших имя христиан как магию, оклеветать великую тайну веры и опорочить церковное учение о бессмертии души и воскресении мертвых. Те, кто избрали себе этих спасителей, утратили истинную надежду.

27

Лукавый демон, бессильный уничтожить любовь ко Христу, Сыну Божию, нашел слабую сторону у людей и забрал их в свое владение. Первые христиане метко прозвали их эвионитами. Представление их о Христе было убого и низменно. (2) Они считали Его простым человеком, как все, который за одну свою нравственную высоту признан праведником. Родился он от брачного общения Марии и ее мужа. Нужно полностью соблюдать обряды, требуемые Законом; по их мнению, одной верой во Христа и жизнью по вере они не спасутся. (3) Другие, наряду с ними носящие то же имя, упомянутых неслепостей избежали. Они не отрицают, что Христос родился от Девы и Духа Святого, но заодно с первыми не признают предвечного существования Христа, Слова и Премудрости Божией; эти тоже свернули в нечестие первых, тем более что они так же старательно выполняли все требования обрядового Закона. (4) Они считали, что Послания апостола Павла должны быть вове отвергнуты, и обзывали его отступником, читали только так называемое Евангелие от Евреев, а остальными книгами пренебрегали. (5) Хранили, подобно иудеям, субботу и другие иудейские обычаи, но читали, почти как мы, Господние дни и память спасшего нас Воскресения. (6) Потому и получили они прозвание «эвиониты», указывающее на нищету их разума: ведь у евреев так зовут нищих.

28

Мы знаем, что в то время жил и глава другой ереси — Керинф. Гай, слова которого я приводил уже раньше, в своих рассуждениях пишет о нем: (2) «И Керинф в откровениях, написанных будто бы великим апостолом, помещает лживые рассказы о чудесах, показанных ему ангелами; он говорит, что после воскресения наступит земное царство Христово и

люди во плоти, вновь поселившись в Иерусалиме, будут рабами желаний и наслаждений. Враг Писания, он, желая обмануть людей, говорит, что тысячелетие пройдет в брачном празднестве».

(3) И Дионисий, бывший в наше время епископом Александрийским, во второй книге «Об обетованиях», говоря об Иоанновом «Откровении», так вспоминает об этом человеке, следуя древнему преданию:

(4) «Керинф, создатель ереси, названной по его имени «керинфовой», напутствовал свои выдумки внушающим доверие названием. Вот основное в его учении: земным будет царство Христово; осуществится то, к чему он сам стремился — а любил он плоть и был очень чувствен, — и можно будет жить, как он мечтал: желудок и то, что ниже его, будут вполне удовлетворены едой, питьем и брачным сожитием. Все это он думал облагородить, называя празднествами, приношениями, жертвами».

(6) Так говорит Дионисий. Иринея же в первой книге своего сочинения «Против ересей» сообщает подробности о его гнусном лжеучении, а в третьей передаст рассказ, забвения не заслуживающий. Ссылаясь на Поликарпа, он рассказывает, что апостол Иоанн пришел однажды помывшись в баню, но, узнав, что тут же находится и Керинф, вскочил с места и выбежал вон: не мог он оставаться под одной с ним кровлей. И спутников уговаривал поступить так же: «Бежим, как бы не обрушилась баня, там ведь находится враг истины Керинф».

29

В это же время существовала — очень недолго — так называемая ересь николаитов; она упомянута и в «Откровении» Иоанна. Ее последователи хвастались, что Николай был одним из диаконов, товарищей Стефана, поставленных апостолами для служения бедным.

Климент Александрийский в третьей книге «Стромат» так рассказывает о нем:

(2) «... У него была жена в цвете лет. Когда по вознесении Спасителя апостолы стали его укорять за то, что он ревнует жену, он вывел ее на середину и предложил брать ее в жены всякому, кто пожелает. Такое поведение, говорят, согласовалось с его изречением: «плоть не надо щадить». И вот его поступку и его словам стали следовать прямо и без рассуждения: последователи его ереси предавались бесстыдному разврату. (3) Я же слышал, что Николай не знал ни одной женщины, кроме своей жены, что его дочери состарились девственницами, а сын остался непорочным. Если это так, то вывести к апостолам горячо любимую жену значило попать страсть, и слова «плоть не надо щадить» звали к воздержанию от желанных наслаждений. Думаю, он не хотел по заповедям Спасителя «служить двум господам»: наслаждению и Господу. (4) Так, говорят, учил и Матфей: «С плотью надо бороться и не щадить ее, поддаваясь наслаждению: надо возвращать душу верой и знанием». О людях, приложивших тогда руку к тому, чтобы осудить истину, и скорее, чем отзвучит произносимое слово, бесследно исчезнувших, сказанного достаточно».

30

Климент, слова которого мы только что читали, упомянув отрицающих брак, перечисляет апостолов, о которых в точности известно, что они были женаты. Он говорит: «Или они и с апостолами не считаются? У Петра и Филиппа были дети; Филипп выдал и дочерей своих замуж; Павел не

стесняется в одном своем Послании приветствовать жену, которую он не брал с собой, чтобы не затруднять свое дело служения».

2) Раз мы об этом вспомнили, то сто́ит привести и другой достопамятный его рассказ, помещенный в седьмой книге его «Стромат»: «Говорят, что блаженный Петр, видя, как ведут его жену на смерть, обрадовался, что ее призвали и она возвращается домой. Он окликнул ее по имени, убеждал и утешал, говоря: «Помни Господа!» В таком браке жили эти блаженные люди, так безупречны были отношения между самыми близкими людьми».

Эти рассказы, подходящие к данному повествованию, помещены здесь кстати.

31

Что касается кончины Павла и Петра, то нами еще раньше сказано, когда и как они умерли и в каком месте погребены их тела. (2) О времени Иоанновой кончины тоже сказано; место его погребения называет Поликрат (он был епископом в Ефесе) в своем письме Виктору, епископу Римскому. Там же упоминает он и об апостоле Филиппе и его дочерях. Он пишет:

(3) «В Асии покоятся великие светила, которые воскреснут в последний день, когда Господь низойдет с неба во славе Своей и разыщет всех святых: Филиппа, одного из двенадцати, который поконится в Иераполе, обеих дочерей его, состарившихся в девстве, и еще одну дочь, которой руководил Дух Святой и которая почивает в Ефесе. И Иоанн, возлежавший на груди у Господа, священник, носивший золотую дощечку¹³, мученик и учитель, поконится в Ефесе».

(4) Вот сведения об их кончине. В диалоге Гая, которого мы недавно вспоминали, Прокл, против которого написано это исследование, говорит о кончине Филиппа и его дочерей согласно с вышензложенным: «После него четыре пророчицы, дочери Филиппа, жили в Иераполе, асийском городе. Там же находится могила и отца их».

(5) Так говорит он. Лука же в «Деяниях Апостолов» упоминает дочерей Филиппа: они жили вместе с отцом в Кесарии Иудейской и удостоены были пророческого дара. Вот его рассказ дословно: «Мы пришли в Кесарию и, вшедши в дом Филиппа-благовестника, который был одним из семи, остались у него. У него были четыре дочери, девицы пророчествующие».

Мы изложили по порядку в этих главах все дошедшие до нас сведения об апостолах, апостольских временах и священных книгах, которые они нам оставили; о книгах оспариваемых, но в большинстве Церквей всенародно читаемых, наконец, о заведомо подложных, стошедших от апостольского правоверия. Перейдем теперь к рассказу о дальнейших событиях.

32

После Нерона и Домициана, при императоре, чье время мы теперь описываем, частичные гонения на нас по городам поднимала восставшая чернь. В таком гонении, как передают, мученической кончиной завершил жизнь Симеон, сын Клеопов, который, как мы сказали, был вторым епископом Иерусалимской Церкви. (2) Это засвидетельствовано тем самым Егезиппом, у которого мы и раньше черпали разные сведения. Так вот, рассказывая о разных еретиках, он сообщает, что Симеон был обвинен

ими; обвиняемый в принадлежности к христианству и многообразно мучимый в течение многих дней, он потряс судью и его окружавших и снискал конец жизни, напоминавший страдания Христа. (3) Лучше всего, однако, послушать самого писателя; вот его рассказ дословно: «Некоторые из этих еретиков донесли на Симеона, сына Клеопова, что он потомок Давида и христианин. Так он и пострадал, 120 лет от роду, при императоре Траяне и консуле Аттике»¹⁴.

(4) Он же рассказывает, что когда разыскивали потомков царей иудейских, то и обвинителей схватили, как происходящих из царского рода. Можно заключить, что этот Симеон был из числа тех, кто лично видел и слушал Господа, и в подтверждение сослаться на его возраст и упоминание в Евангелии о Марии, жене Клеопы; этот Симеон был его сыном, об этом сказано раньше. (5) Тот же писатель говорит, что потомки Иуды, одного из упоминаемых братьев Спасителя, дожили до этого царствования; о том, как они исповедали веру Христа при Домициане, рассказано раньше. А пишет он так: (6) «Они приходят и становятся во главе всей Церкви, как свидетели и родственники Господа. Среди глубокого мира в Церкви дожили они до кесаря Траяна, до того времени, когда сын дяди Господа, вышеупомянутый Симеон, сын Клеопов, оклеветанный еретиками, был при консуле Аттике также обвинен и в том же самом. Мучимый в течение многих дней, он потряс своим непоколебимым исповеданием Христа всех, и в особенности консула, который спрашивал себя: как старик 120 лет выносит все эти мучения? Его распяли».

(7) В заключение этот же писатель, излагая современные ему события, говорит, что до того времени Церковь была как чистая непорочная дева; пытавшися погубить здоровое и спасительное благовестие, если и были, то сидели, забившись в свои темные углы, и оставались в неизвестности. (8) Когда же святой апостольский лик окончил так или иначе свою жизнь и ушло поколение, удостоившееся своими ушами слышать голос Божественной Премудрости, тогда под влиянием лжеучителей, с их обманами, начался разброд и безбожие. Так как не оставалось в живых никого из апостолов, они решили в открытую противопоставить проповеди истины свое лжеженное знание (гносис).

33

В то время многие места охватило такое гонение на нас, что Плиний Секунд, из наместников самый знаменитый, встревоженный большим числом мучеников, написал императору о большом числе людей, гибнущих за веру, и тут же сообщил, что не смог уличить их в нечестии и в чем-либо противозаконном; встав на заре, они воспевают Христа, как Бога; запрещают прелюбодействовать, убивать и совершать другие подобные проступки; поступают они во всем по законам. (2) В ответ Траян издал указ: христиан не разыскивать; попавшего наказывать. Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом — его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены. (3) Рассказ об этом взят из латинской апологии Тертуллиана (мы говорили о ней выше), которая в переводе гласит так: «Впрочем, мы обнаружили, что разыскивать нас было запрещено. Плиний Секунд, правитель провинции, приговаривал христиан и лишал их звания граждан;

смущенный их множеством, не зная, что ему впредь делать, написал императору Траяну: никакого нечестия он у них не нашел, кроме разве нежелания служить идолам. Указал он еще, что христиане, встав на заре, воспевают Христа, как Бога, и, соблюдая свое учение, запрещают убивать, прелюбодействовать, наживаться, воровать и вообще совершать что-либо подобное. Траян ответил, что христиан не надо разыскивать; но попавшего наказывать».

Так тогда и было.

34

В третий год царствования упомянутого императора Климент, епископ Римский, скончался, передав свое служение Эваресту. В течение девяти лет он возглавлял обучение Божественному слову.

35

После смерти Симеона, описанной нами, епископский престол в Иерусалиме занял еврей Иуст; в то время было уже много обрезанных, которые уверовали во Христа; Иуст был одним из них.

36

Особо замечательным был тогда в Азии Поликарп, собеседник апостолов, поставленный в епископы Смирнской Церкви от видевших Господа и служивших Ему. (2) Известны и его современники: Папий, также епископ в Иераполе; Игнатий, многими и доньше прославляемый, второй после Петра епископ Антиохийский. (3) Рассказывают, что он был отправлен из Сирии в Рим и отдан на съедение зверям за исповедание Христа. (4) Проходя по Азии под надзором стражей охраны, он в городах на остановках укреплял верующих беседой и увещаниями, уговаривал прежде всего беречься ересей, тогда только что явившихся на свет Божий, и убеждал крепко держаться апостольского Предания, которое он, идя на мученичество, счел необходимым закрепить письменно. (5) Так, будучи в Смирне, где находился Поликарп, он написал послание Ефесской Церкви, упоминая ее пастыря Онисима; другое — в Магнесию на Меандре (тут он упоминает епископа Дамаса) и еще одно — в Траллы, где, по его сообщению, управлял Полибий. (6) Написал он и Римской Церкви, умоляя не ходатайствовать за него и не лишать надежды на желанное мученичество. Стоит привести краткую выдержку в подтверждение сказанного. Вот его послание слово в слово: (7) «На пути от Сирии до Рима я сражаюсь днем и ночью, на суше и на море с дикими зверями, десятью леопардами, иначе говоря, отрядом в десять воинов, которые, если им делать добро, становятся еще хуже. Я даже учусь на их обидах, но тем «не оправдываюсь». (8) Хорошо, если бы звери были мне уже готовы; молюсь, да будут готовы послужить мне. Я буду ласкать их и уговаривать поскорее съесть меня. (Они со страху до некоторых не дотрагивались), а если они не захотят, я их заставлю. (9) Простите меня, я знаю, что мне полезно. Я теперь начинаю быть учеником; ничто мне не в радость — ни зримое, ни незримое, только бы встретить Иисуса Христа. Пусть огонь, и крест, и стая зверей; пусть разбросают мои кости, отрубят члены, смелют в муку все тело; пусть придут на меня муки диавола — только бы встретить Иисуса Христа».

(10) Так писал он перечисленным Церквам из указанного города. Находясь уже за пределами Сирии, он писал из Трояды жителям Фила-

дельфии и в Смирну — Церкви и особо ее предстоятелю Поликарпу. Хорошо зная его как мужа апостольского, он, добрый, истинный пастырь, поручил ему свою антиохийскую паству и просил ревностно о ней заботиться. (11) Он же в письме к жителям Смирны говорит о Христе (не знаю, откуда заимствовал он эти сведения): «Знаю и верю, что после воскресения Он являлся во плоти. И когда Он пришел к Петру и бывшим с ним, Он сказал: «Потрогайте Меня, увидите, что Я не бестелесный дух». Они тотчас осязали Его и поверили».

(12) Знал о его мученичестве и Иринея; он упоминает о его посланиях и говорит: «Как сказал один наш человек, осужденный за исповедание Бога на съедение зверям: «Я пшеница Господня, и размалывают меня зубы зверей, чтобы я стал чистой мукой»».

(13) И Поликарп вспоминает о том же в послании своем к Филиппийцам. Приведем его слова: «Уговариваю вас всех повиноваться и терпеть. Вы воочию видели, как терпели не только блаженные Игнатий, Руф и Зосима, но и другие ваши люди, сам Павел и остальные апостолы. Верьте, что прошли они свой путь не вотще, а с верой и правдой и находятся сейчас в месте, уготованном у Господа, с Которым они и страдали, ибо любили не мир нынешний, а Того, Кто умер за нас и ради нас воскрешен Богом». И дальше он добавляет: (14) «Вы, как и Игнатий, писали мне, что если кто отправляется в Сирию, то пусть отвезет и ваши письма. Я так и сделаю при случае либо сам, либо через человека, который будет и вашим вестником. (15) Послания Игнатия, которые он писал ко мне, и другие, у меня оказавшиеся, я отправил вам, как вы и наказывали: они приложены к этому письму. Вы можете получить от них великую пользу: в них вера, терпение и наставление, как служить Господу».

Вот сведения об Игнатии; преемником его в Антиохии по епископству был Ерос.

37

Среди славных людей того времени был и Кодрат, отличавшийся, как и дочери Филиппа, даром пророчества. Известны и многие другие их современники — ряд мужей, пришедших на смену апостолов. Достойные ученики таких мужей, они повсюду продолжали устраивать Церкви, основания которых положили апостолы, шли всё дальше со своей проповедью и во всю ширь вселенной сеяли спасительные семена Царства Небесного.

(2) Многие из тогдашних учеников, чью душу слово Божие поразило великим любознанием, исполняли прежде всего спасительную заповедь: раздавали свое имущество бедным, а затем отправлялись путешествовать и выполнять дело евангелистов, спеша преподать слово веры тем, кто о ней вовсе не слышал, и передать книги Божественных Евангелий. (3) Заложив где-нибудь на чужбине только основание веры, они ставили пастырями других людей, поручали им только что приобретенную ниву, а сами, сопутствуемые Божией благодатью и помощью, отправлялись в другие страны и к другим народам. Множество чудес совершалось ими тогда силой Духа Божия, так что после первой же проповеди все до единого человека с готовностью воспринимали душой своей веру в Создателя всего мира. (4) Мы не можем перечислить по именам всех апостольских преемников, ставших по всей вселенной пастырями Церкви и евангелистами. Мы вспоминаем поименно только тех, о которых упоминается в апостольских, сохранных донныне записях апостольского учения.

38

Разумеется, к ним относятся Игнатий, упоминаемый в названных посланиях, и Климент; свое послание, всеми признанное, он написал Коринфской Церкви от лица Римской. В нем он приводит много мыслей из Послания к Евреям, выписывая некоторые дословно, и ясно доказывает, что Писание это не новое. (2) Поэтому, естественно, он решил причислить его к остальным Посланиям апостола. Павел писал евреям на родном языке, и одни говорят, что евангелист Лука, а другие, что сам Климент перевел его на греческий. (3) Последнее кажется более вероятным и по сходству языка в Климентовом послании и в Послании к Евреям, и по небольшой разнице между мыслями обоих писаний.

(4) Следует знать, что Клименту приписывают и другое послание, но мы знаем, что оно не так известно, как первое, и в древности его не знали. (5) С недавнего времени стали приписывать ему многословные, длинные диалоги Петра с Аппионом. Никто из древних о них не упоминает, и нет в них чистого апостольского правоверия. Итак, о несомненном послании Климента сказано ясно, как и о посланиях Игнатия и Поликарпа.

39

Папию приписывают пять сочинений под заглавием «Истолкование Господних изречений». О них как о единственных его произведениях упоминает и Иринея, говоря так: «Папий, слушавший Иоанна, друг Поликарпа, из древних христиан, засвидетельствовал это письменно в четвертой своей книге, ибо им сочинено пять книг».

(2) Так сказано у Иринея. Сам же Папий в предисловии к своему сочинению отнюдь не выдает себя за человека, лично видевшего и слышавшего святых апостолов, а говорит, что с верой ознакомили его люди, апостолам известные. Вот его собственные слова:

(3) «Я не замедлю в подтверждение истины восполнить мои толкования тем, чему я хорошо научился у старцев и что хорошо запомнил. Я с удовольствием слушал не многоречивых учителей, а тех, кто преподавал истину, не тех, кто повторяет заповеди других людей, а данные Господом о вере, исходящие от самой Истины. (4) Если же приходил человек, общавшийся со старцами, я расспрашивал об их беседах: что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома и Иаков, что Иоанн и Матфей или кто другой из учеников Господних; слушал, что говорит Аристион или пресвитер Иоанн, ученики Господни. Я понимал, что книги не приносят мне столько пользы, сколько живой, остающийся в душе голос».

(5) Следует обратить внимание, что Папий упоминает двух людей с именем Иоанна: одного, упомянутого им раньше вместе с Петром, Иаковом, Матфеем и прочими апостолами, он, несомненно, считает евангелистом Иоанном; другого Иоанна помещает в числе людей, стоявших рядом с апостолами, ставит впереди него Аристиона, прямо называя его пресвитером. (6) Правдивость этого сообщения подтверждается тем, что в Азии называли двух людей с этим именем, а в Ефесе и ныне есть две гробницы, и каждая зовется Иоанновой. На это необходимо обратить внимание: если не считать автором «Откровения», известного под именем Иоаннова, первого Иоанна, то, значит, все эти видения были второму.

(7) Папий, о котором мы сейчас говорим, признаёт, что слова апостольские он слышал от людей, с ним общавшихся; Аристиона же и пресвитера Иоанна слушал лично. Часто, упоминая их в своих книгах по имени, он передает их рассказы.

(8) Говорю это не зря: к приведенным уже словам Папия стóит присоединить и другие его рассказы, в которых он повествует и о некоторых чудесах, и о том, что он узнал по преданию. (9) Мы уже говорили, что апостол Филипп вместе с дочерьми проживал в Иераполе, а теперь расскажем, как Папий, их современник, вспоминает удивительную историю, слышанную им от дочерей Филиппа о воскрешении мертвого, тогда случившемся, и о чуде с Иустом, Варнавой по прозвищу: он выпил смертельный яд и по милости Господней не потерпел никакого вреда. (10) Этого Иуста после вознесения Господня святые апостолы поставили вместе с Матфием и молились, чтобы жребий выпал на того, кем вместо предателя Иуды они пополнили бы свое число. В «Деяниях» об этом написано так: «И поставили двоих: Иосифа, называемого Варнавой, который прозван Иустом, и Матфия, и, помолившись, сказали...».

(11) Он же передает и другие рассказы, дошедшие до него по устному преданию: некоторые странные притчи Спасителя, кое-что скорее баснословное. (12) Так, например, он говорит, что после воскресения мертвых будет тысячелетнее и плотское Царство Христово на этой самой земле. Я думаю, что он плохо истолковал апостольские слова и не понял их прообразовательного и таинственного смысла, ибо был ума малого. (13) Это явствует из его книг, хотя большинство церковных писателей, живших после него, очень уважало его, как писателя старого, и мнения его разделяли, например, Иринея и другие.

(14) Сообщает он в своей книге и другие слова Господни в передаче упомянутого Аристиона, а также рассказы пресвитера Иоанна. Отсылаем к ним людей любознательных, но считаем нужным сейчас же добавить ко всему сказанному рассказ о евангелисте Марке. (15) Вот что говорил пресвитер: «Марк был переводчиком Петра; он точно записал всё, что запомнил из сказанного и содеянного Господом, но не по порядку, ибо сам не слышал Господа и не ходил с Ним. Позднее он сопровождал Петра, который учил, как того требовали обстоятельства, и не собирался слова Христа располагать в порядке. Марк ничуть не погрешил, записывая всё так, как он запомнил; заботился он только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно».

(16) Так говорит Папий о Марке; о Матфее он сообщает следующее: «Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил их кто как мог».

(17) Он же пользуется первым Посланием Иоанна, а также Петра и рассказывает о женщине, которую обвиняли перед Господом во многих грехах. Рассказ этот есть в Евангелии от Евреев. Я счел необходимым все это добавить к сказанному.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Около двенадцатого года царствования Траяна¹ скончался недавно упомянутый нами епископ Церкви Александрийской. Четвертым после апостолов нес это служение Прим. В этом же году в Риме Эвареста, скончавшегося на восьмом году своего епископства, сменил Александр, пятый приемник Петра и Павла.

2

Церковь Спасителя нашего и проповедь Его учения с каждым днем набирали сил и всё больше преуспевали; бедствия же пудеев, непрерывно

сменяясь, дошли до предела. На восемнадцатом году царствования Траяна иудеи подняли новое восстание, в котором погибло великое их множество. (2) В Александрии, остальном Египте и еще в Кириное, словно одушевленные каким-то страшным и мятежным духом, устремились они на греков, живших вместе с ними. Восстание разрасталось; в следующем году это была уже настоящая война. (3) Всем Египтом управлял тогда Лупп; в первом сражении случилось так, что греков одолели. Бежавшие в Александрию переловили и перебили иудеев, живших в городе. Лишившись их поддержки, киринейские иудеи начали под предводительством Лукуаса грабить египетскую землю; опустошение номов стало их постоянным занятием. Император выслал против них Марция Турбона с пешим войском, флотом, а также с конницей. (4) Турбон вел долгую и упорную войну, много раз вступал в сражения и перебил тысячи тысяч иудеев не только киринейских, но и живших в Египте, пришедших на помощь своему царю Лукуасу. (5) Император же, подозревая, что иудеи и в Месопотамии нападут на местное население, повелел Луцию Квиету очистить от них эту область. Луций, ведя с собой войско, истребил огромное количество тамошних иудеев, за что император и назначил его правителем Иудеи. Так рассказывают об этом и греческие историки, писавшие об этом времени.

3

Траян правил без 6 месяцев целых 20 лет. После него правление принял Элий Адриан. К нему Кодрат обратился с апологией, составленной в защиту нашей веры, так как некоторые злые люди старались не давать нам покоя. Это сочинение и сейчас имеется у большинства братьев; есть и у нас. Оно блестяще свидетельствует об уме и апостольском правоберии Кодрата. (2) О том, как давно он жил, можно судить по его собственным словам: «Дела нашего Спасителя всегда были очевидны, ибо были действительными: людей, которых Он исцелил, которых воскресил, видели не только в минуту их исцеления или воскресения; они всё время были на глазах не только когда Спаситель пребывал на земле, но и жили достаточно долго и после Его Воскресения, некоторые дожили и до наших времен».

(3) Таков был Кодрат. И Аристид, твердый последователь нашей веры, подобно Кодрату, поднес Адриану апологию ее. Сочинение это и доныне сохраняется у многих.

4

В третий год того же царствования² скончался епископ Александр, десять лет управлявший Римской Церковью; преемником его стал Ксист. В Александрии около того же времени на десятом году своего служения ушел из жизни Прим. Его преемником стал Иуст.

5

Списка иерусалимских епископов, указывавшего время их служения, я нигде не нашел (говорят, правда, что они были недолговечны). (2) Из письменных источников я только узнал, что до осады Иерусалима Адрианом их было пятнадцать, преемственно сменявших друг друга, что все они были исконными евреями и Христово учение приняли искренне, так что люди, которые могли об этом судить, сочли их достойными епископского служения. Вся Церковь у них состояла из уверовавших евреев, начиная от апостолов и до тех, кто дожил до той осады, когда иудеи, опять отпавшие от римлян, были разбиты в нелегкой борьбе.

(3) Так как с этого времени епископов из обрезанных больше не было, то следует перечислить их, начиная с первого. Первым был Иаков, именуемый братом Господним; вторым — Симеон, третьим — Иуст, Закхей — четвертым, пятым — Товия, шестым — Вениамин, Иоанн — седьмым, восьмым — Матфий, девятым — Филипп, десятым — Сенека, одиннадцатым — Иуст, двенадцатым — Левий, тринадцатым — Ефрем, четырнадцатым — Иосиф, последним, пятнадцатым — Иуда. (4) Столько было в Иерусалиме епископов, от апостолов и до нынешнего времени; все они из обрезанных. (5) В двенадцатый год правления Адриана Ксист, десять лет епископствовавший в Римской Церкви, скончался. Преемником его стал Телесфор, седьмой после апостолов. Спустя год и несколько месяцев предстоятелем Александрийской Церкви стал Евмен, шестой по счету, после смерти своего предшественника, управлявшего Церковью одиннадцать лет.

6

Так вот, иудеи восстали вновь, и восстание их всё разрасталось. Руф, правитель Иудеи, с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их безумием, преследовал и уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей — всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил. (2) Вождем иудеев был тогда человек, по имени Варкохеба, что значит «звезда», — убийца и разбойник; он, ссылаясь на это имя, внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, (3) дабы чудом даровать им, замученным, свет.

На восемнадцатом году правления Адриана война была в разгаре; осада Бетферы (это был очень укрепленный городок недалеко от Иерусалима) затянулась; мятежники гибли от голода и жажды и дошли до последней крайности. Виновный в этом безумец понес достойное наказание; а по законодательному решению и распоряжению Адриана, всему народу запрещено было с того времени ногой ступать на землю в окрестностях Иерусалима; не разрешалось даже издали взглянуть на родные места. Это пишет Аристон из Пеллы.

(14) Так пришел в запустение город иудеев; никого не осталось из старых жителей, и его заселил чужой народ; здесь возник потом римский город с другим именем: его называли Элией в честь императора Элия Адриана. Тамошняя Церковь составила́сь тоже из язычников, и первым после епископов из обрезанных принял служение в ней Марк.

7

Словно яркие звезды, сияли по всей вселенной церкви; вера в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа была среди всего рода человеческого в расцвете, когда демон, ненавистник прекрасного, враг истины, неустанный противник человеческого спасения, ополчился на Церковь, пустив в ход всяческие уловки; раньше он подготовлял гонения извне, теперь, лишенный этой возможности, (2) воспользовался, чтобы губить души, услугами обманщиков и фокусников; изобретая разные способы борьбы, выдумывал он всяческие средства, чтобы эти фокусники и обманщики, прикрываясь именем нашей веры, увлекали души уловленных ими верующих в глубину погибели, незнакомых же с верой своими деяниями отвращали от пути к слову спасения.

(13) От Менандра, преемника Симона, упомянутого нами раньше, изошла словно какая-то змееподобная сила, двуустая и двуглавая, которая породила создателей двух разных ересей: Сатурнина, антиохийца родом, и Василида, александрийца. Один в Сирии, а другой в Египте

открыли школы богомерзких ересей. (4) Иринея говорит, что Сатурнин повторял большинство лживых выдумок Менадра; Василид же, ссылаясь на что-то несказанное, уносился мыслью в бесконечное и придумывал чудовищные сказки для своей нечестивой ереси.

(5) Тогда же многие церковные писатели боролись за истину и силой разума отстаивали апостольскую и церковную веру. Некоторые из них оставили и для будущих поколений свои писания — оружие против названных ересей. (6) До нас дошло сочинение знаменитейшего писателя того времени Агриппы Кастора — уничтожающее изобличение Василида, показывающее страшную ложь его ереси. Раскрывая ее тайны, Агриппа говорит, что Василид составил 24 книги на Евангелие, выдумал себе пророков Варкавву, Варкофа и других, никогда не существовавших и получивших эти варварские имена, чтобы поразить людей, способных такому поражаться; он учит вкушать идоложертвенное и спокойно отречься от веры во время гонений; предписывает, следуя Пифагору, пятилетнее молчание приходящим к нему. (8) Подобрал другие, подобные же примеры, упомянутый писатель превосходно рассмотрел и воочию показал заблуждения Василидовой ереси. (9) Иринея пишет, что жил в это же время Карпократ, отец другой ереси — ереси гностиков. Эти уже не втайне, как Симон, но открыто занимались магическими операциями, словно каким-то великим делом, похвалялись своим тщательно изготовленным волшебным питьем, общением с демонами, их спутниками, посылающими сновидения, и прочим в том же роде. И соответственно они учили, что желающие в совершенстве постичь их мистерии, вернее, их мерзости, должны совершать поступки постыднейшие: они не смогут ускользнуть от космических властителей (так они их называли) иначе, как удовлетворив их своим бесстыдным поведением. (10) С помощью таких прислужников злорадный демон обрек вечной гибели людей, на горе себе обманутых, а язычникам предоставил полную возможность хулить слово Божие: основываясь на толках о тех людях, поливали они клеветой весь христианский народ. (11) Потому главным образом и распространилось среди язычников нечестивое и нелепейшее подозрение в том, что мы вступаем в недозволенную связь с матерями и сестрами и вкушаем ужасную пищу. (12) Держалось оно, правда, не долго: истина крепка сама собой, и свет ее со временем ярко разгорается. (13) Новые козни врагов тут же рушились, обличаемые самой деятельностью их; ереси одна за другой предлагали новые учения; прежние распадались, теряясь во множестве разнообразных мыслей, и исчезали. Росла и крепла всегда неизменная, сияющая Церковь, вселенская и единая истинная, озаряющая всех — и греков, и варваров — светом Божественного устройства и философии, величавой, беспримесной, свободной, мудрой и чистой. (14) Потухла со временем клевета на нашу веру, и наше учение осталось единственным, господствующим и общепризнанным, ибо превосходило все другие величием и мудростью своих Божественно-философских догматов. Сейчас никто уже не осмелится ни хулить нашу веру, ни клеветать на нее так, как это любили раньше делать наши противники.

(15) Впрочем, в те времена истина выводила на арену многих своих борцов, сражавшихся с безбожными ересями и устно, и письменно.

8

Среди них известен Егезипп, на которого мы уже много раз ссылались, заимствуя из сообщаемого им предания о временах апостольских.

(2) Он в пяти книгах своих «Записей»³ передает самым простым слогом точное предание об апостольской проповеди и указывает время, когда он стал известен, так как упоминает тех, кто в старину ставил идолов: «Им воздвигали кенотафы и храмы, как это делают и донныне; поставили и рабу кесаря Адриана Антиною, который жил в наше время и в честь которого справляются Антиноевы игры. Основал Адриан и город, соименный Антиною, и учредил коллегию пророков».

(3) Тогда жил и Иустин, искренний любитель истинной философии; обучившись у греков, он занимался их науками. И он указывает свое время в Апологии к Антонину:

«Стóит упомянуть и жившего в наши дни Антиноя, которого все со страху спешили чтить как бога, хотя и знали, кто он и откуда». (4) Он же сообщает о бывшей тогда иудейской войне следующее: «В нынешней иудейской войне Варкохеба, предводитель иудейского восстания, приказывал жестоко пытаться только христиан, если они не отрекались от Христа и отказывались хулить Его».

(5) Он же пишет, что обратился от греческой философии к почитанию Бога не бездумно, а по рассуждению: «Я сам любил учение Платона, но, слыша клевету на христиан и видя, как они бесстрашны перед смертью и перед всем, что считается страшным, я подумал: невозможно, чтобы такие люди жили в пороках и наслаждениях; человек, любящий наслаждение, невоздержанный и считающий, что хорошо есть человеческое мясо, может ли приветствовать смерть как избавление от всех страстей? Не постареется ли он всячески продлить земную жизнь и скрываться от властей, а не доносить на себя, чтобы его казнили?»

(6) Он же пишет, что Адриан получил от Серенния Гранниана, известного наместника, письмо о христианах: несправедливо без всякого обвинения, только в угоду орущей толпе, без суда казнить их. Император в ответ написал Минуцию Фундану, проконсулу Асии, приказывая никого не судить без обвинения и обоснованного обличения. (7) Иустин прилагает и копию этого письма в латинском подлиннике, предваряя его такими словами: «Мы могли бы просить вас о том, чего хотим: о суде над нами на основании письма величайшего и славнейшего кесаря Адриана, отца вашего, но мы обращаемся к вам потому, что наша просьба справедлива. Прилагаем копию Адрианова письма, дабы вы знали, что мы и в этом говорим правду. Вот она».

(7) Затем названный писатель дает латинскую копию, которую мы, в меру своих сил, перевели по-гречески.

9

«Минуцию Фундану. Я получил письмо от Серенния Гранниана, человека известного, твоего предшественника. Мне кажется, что дело это нельзя оставить без рассмотрения; нельзя, чтобы люди жили, не зная покоя, а на доносчиков была возложена обязанность вредить и злодействовать».

(2) Если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан и отвечать перед судом, то пусть этим путем и действуют, но не требованиями и воплями. Весьма приличествует, в случае обвинения, произвести тебе расследование. (3) Если кто может доказать свое обвинение, а именно: что они поступают противозаконно, тогда в соответствии с преступлением и установи наказание. Но клянусь Гераклом! Если кто сделал из доносов занятие, положи предел этому безобразию и сообразно, как наказывать за это». Такова копия Адрианова письма.

10

Адриан вернул долг земле после 21-го года царствования⁴; преемником его стал Антонин, прозванный Благочестивым. В первый же год его царствования ушел из жизни Телесфор, на одиннадцатом году своего служения, и жребий Римского епископства выпал Гигину. Ириней пишет, что Телесфор славно отметил конец своей жизни мученичеством, и сообщает, что в это же время при упомянутом епископе Гигине стали в Риме известны Валентин, создатель собственной ереси, и Кердон, основоположник Маркионова заблуждения. Он пишет так:

11

«Валентин прибыл в Рим при Гигине, вошел в силу и славу при Пии и продержался до Аникета. Кердон, предшественник Маркиона, появился тоже при Гигине, девятом епископе. Он пришел в Церковь, всенародно принес покаяние, но образ жизни вел такой: то тайком поучал, то опять калялся; уличаемый теми, кого он учил злему, удалился от общения с братьями».

(2) Так пишет он в третьей книге своего сочинения «Против ересей», а в первой рассказывает о Кердоне следующее: «Некто Кердон, исходя из того, что он усвоил от учеников Симона (прибыл он в Рим при Гигине, девятом епископе, считая от апостолов), учил, что Бог, проповедуемый Законом и пророками, не есть Отец Господа нашего Иисуса Христа; Его отца можно познать, а Тот Бог непознаваем; Тот справедлив, а этот благостен. Маркион, родом с Понта, заимствовал у него это учение и развил его, бесстыдно богохульствуя».

(3) Этот же Ириней убедительно раскрыл бездну пагубы в Валентиновом учении, связанном со столькими заблуждениями; он обнажил его скрытое зло, притаившееся, будто змея в норе. (4) Современником их, пишет Ириней, был еще некий Марк, чрезвычайно искусный в магических выдумках. Ириней так описывает их постыдные посвящения и мерзкие мистерии:

(5) «Они готовят брачный чертог и совершают посвящение, произнося над посвящаемыми какие-то заклинания; они говорят, что это духовный брак, подобный небесным союзам. Другие ведут посвящаемых к воде и крестят их с такими словами: «Во имя непознаваемого отца, во имя истины, матери всего, во имя снизошедшего Иисуса». Некоторые произносят при этом еврейские слова к вшшему потрясению посвящаемых».

(6) После четырех лет епископства Гигин скончался, и место его в Риме занял Пий. В Александрии после Эвмена, скончавшегося через полных тринадцать лет епископства, пастырем стал Марк, несший это служение десять лет; его принял, по смерти Марка, Келадион. (7) В Риме после Пия, скончавшегося на пятнадцатом году своего епископства, предстоятелем Церкви стал Аникет. Егезипп пишет, что он при нем прибыл в Рим и оставался там до епископства Елевфера.

(8) В это время в полном расцвете сил был Иустин, который защищал слово Божие в философском обличии и в своих писаниях боролся за веру. Он написал книгу против Маркиона, где упоминает, что составлял ее еще при жизни того. Он говорит так: «Маркион с Понта и теперь еще учит доверчивых людей, что есть некий бог, больший, чем Создатель. Во всем роде человеческого нашел он людей, которых с помощью демонских внушений убедил богохульствовать и отрицать, что Творец всего мира

есть Отец Христа; мир создан каким-то другим богом, бóльшим, чем Он. Все наставленные такими учителями называются христианами; так и философы, придерживающиеся не одних и тех же мыслей, именуются одним и тем же именем, от философии взятым».

(10) В заключение он добавляет: «Есть у нас сочинение против всех возникших ересей. Если пожелаете прочесть, предоставляю».

(11) Тот же Иустин достаточно потрудился, споря с греками. Он обратился и к императору Антонину, прозванному Благочестивым, и к римскому сенату с произведениями, содержащими защиту нашей веры; жил в Риме. В Апологии он сам говорит, кто он и откуда.

12

«Самодержцу Титу Элию Адриану, Антонину Благочестивому, кесарю Августу; сыну Вериссиму, философу; Лудию, родному сыну кесаря философа и усыновленному Благочестивым, любителю просвещения, к священному сенату и ко всему народу римскому обращается с прощением за людей, несправедливо всеми народами ненавидимых и обижаемых, Иустин, сын Приска, сына Вакхия, уроженец Флавия Неаполя в Палестинской Сирии, один из этих людей».

Тот же император, получив подобные же прошения и от других братьев наших, живущих в Азии и всячески притесняемых от местного населения, обратился к асийскому Собранию со следующим распоряжением:

13

«Самодержец, кесарь Марк Аврелий Антонин Август Армянский, верховный жрец, народный трибун в пятнадцатый раз и консул в третий, приветствует асийское Собрание. (2) Я знаю, что сами боги озабочены тем, чтобы такие люди от них не укрылись. Гораздо сильнее, чем вы, могут наказать они людей, не желающих им поклоняться. (3) Тех, кому вы не даете покоя, вы только укрепляете в их вере, хотя обвиняете в безбожии. Допустим, что при обвинении у них есть свободный выбор: они предпочтут умереть за своего Бога. Потому они и одерживают победу, готовые скорее отдать душу свою, чем сделать то, что вы от них требуете. (4) Что же касается землетрясений, бывших и нынешних, то уместно вам напомнить, что при таких бедствиях вы всякий раз падаете духом: сравните поведение их и свое. (5) Они полны надеждой на Бога, а вы за все время о богах и не думаете, и не служите Бессмертному; христиан же, которые Ему служат, гоните и преследуете до смерти. (6) Заступаясь за них, многие правители провинций писали нашему божественному отцу, и он ответил им, приказывая не беспокоить христиан, если окажется, что они ничего не замышляют против римского владычества. И мне многие давали знать о них, и я отвечал им согласно с мнением нашего отца. (7) И если кто-то будет упорно обвинять христианина как такового, то с обвиняемого снимается обвинение, если он и действительно христианин, а обвинитель подлежит суду. Прочтено в Ефесе асийскому Собранию»⁵.

(8) О таком ходе событий свидетельствует современный им епископ города Сард Мелитон, известный по Апологии, которую он написал в защиту нашей веры императору Веру.

14

В то время, когда Аникет управлял Римской Церковью, был еще жив Поликарп; он прибыл в Рим поговорить с Аникетом и разобраться, когда

праздновать Пасху. Об этом пишет Ириней. (2) Передает он и другой рассказ о Поликарпе, который следует присоединить к уже о нем известному.

Из третьей книги Иринея «Против ересей»:

(3) «Поликарп не только слушал наставления апостолов и общался со многими, кто видел Господа, но и в епископы Смирнской Церкви в Асии поставлен апостолами. (4) Мы видели его в ранней юности (он жил очень долго и ушел из жизни в глубокой старости, явно и со славой пострадав за Христа); он учил всегда тому, в чем его наставляли апостолы, что передает Церковь и что только и есть истина. (5) Все асийские Церкви и преемники Поликарпа, вплоть до нынешних, свидетельствуют, что он свидетель истины более верный и заслуживающий гораздо большего доверия, чем Валентин, Маркион и прочие безумцы. Поликарп, будучи при Аникете в Риме, многих вернул от тех еретиков в Церковь Божию, проповедуя, что от апостолов принял он учение истины, единое и единственное — то, которое передает Церковь.

(6) Есть люди, слышавшие от него, как Иоанн, ученик Господень, зашел в Ефесе в баню и, увидав там Керинфа, не вымывшись, кинулся прочь, приговаривая: «Бежим, как бы не обрушилась баня: там ведь Керинф, враг истины». (7) Тот же Поликарп, встретившись однажды с Маркионом, на его слова «Узнаешь нас?» ответил: «Узнаю, узнаю первенца сатаны». До такой степени апостолы и ученики их остерегались даже разговора с теми, кто искажал истину. И Павел ведь сказал: «Еретика после первого и второго вразумления остерегайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден». Есть послание Поликарпа к Филиппийцам, очень сильное; желающие спасения и думающие о нем могут из него узнать и образ его веры и услышать проповедь истины».

(9) Вот слова Иринея: «Поликарп в этом послании к Филиппийцам (оно дошло до нас) пользуется свидетельствами из первого Петрова Послания».

(10) Антонин, прозванный Благочестивым, скончался на двадцать втором году царствования⁶. Преемником его был его сын, Марк Аврелий Вер, называемый тоже Антонином, вместе с братом Луцием.

15

В это время Асию потрясало великое гонение, и Поликарп завершил жизнь мученичеством. Я считаю необходимым внести в это повествование запись о конце его, дошедшую до нас. (2) Есть послание от лица Церкви, которой он управлял, к местным Церквам, так излагающее тогдашнее событие:

(3) «Церковь Божия, нашедшая пристанище в Смирне, Церкви Божией в Филомелии⁷ и всем местам, где нашла пристанище святая вселенская Церковь, — милость, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножатся. Мы написали вам, братья, о мучениках и блаженном Поликарпе, который словно запечатал и прекратил гонение своим мученичеством».

(4) Непосредственно за этим и до рассказа о Поликарпе они повествуют об остальных мучениках и описывают их стойкость в страданиях. Толпа, стоявшая кругом, была поражена, глядя, как тела то рассекают бичами до артерий и жил, так что видны в самых тайниках тела внутренности, то укладывают на колючие морские раковины и острые лезвия. После всяческих мучений и пыток их, наконец, бросили на съедение зве-

рям. (5) Особенно, говорят, отличился благородный Германик, поправший, по Божией милости, врожденный страх телесной смерти. Проконсул хотел переубедить его: указывал на его возраст, старался, ссылаясь на его расцветающую юность, возбудить в нем жалость к себе, но юноша немедля, с готовностью привлек на себя зверя, дразнил его и натравливал, лишь бы поскорее избавиться от этой жизни с ее неправдой и беззаконием. (6) Видя эту прекрасную смерть, изумляясь мужеству мученика, возлюбившего Бога, дивясь вообще доблести рода христианского, толпа начала дружно вопить: «Смерть безбожникам! Разыскать Поликарпа!». (7) Эти крики вызвали большое смятение, и некий фригиец, именем Квинт, недавно прибывший из Фригии, увидав зверей и грозные орудия пыток, не помня себя от страха, ослабел душой и отрекся от спасения. (8) В упомянутом сочинении рассказано, как он, очертя голову, ни о чем не подумав, побежал с другими в суд, был схвачен и всем ясно показал, что не следует ни опасности искать, ни безрассудно храбриться. На этом и заканчивается рассказ о мучениках. (9) Дивный же Поликарп, услышав первые о них известия, не встревожился и пребывал в настроении ровном и спокойном. Он хотел оставаться тут же в городе, но уступил уговорам и упрощениям окружающих и отправился в деревню, недалеко от города; жил он там с несколькими людьми и только неустанно днем и ночью молился Господу, прося о мире и вымаливая его для Церквей по всей вселенной: это была его обычная молитва. (10) За три дня до того, как был он схвачен, ночью ему, стоявшему на молитве, явилось видение: подстилка под его головой сразу вспыхнула и сгорела дотла. Проснувшись, он тут же истолковал присутствующим это явление и не только предсказал будущее, но прямо объявил своим, что надлежит ему умереть за Христа в огне. (11) К розыскам его приложено было всяческое старание, и братская любовь вынудила его перебраться в другую деревню, куда вскоре пришли и преследователи. Схватив двух тамошних рабов, они, избив одного, направились по его указанию к убежищу Поликарпа. (12) Пришли они поздно и узнали, что он лежит наверху. Отсюда ему можно было перейти в другой дом, но он не захотел, сказав: «Да будет воля Божия». (13) Зная, что преследователи уже тут, он, как рассказывают, сошел вниз и стал беседовать с ними с таким сияющим кротким лицом, что им, раньше его не знавшим, показалось, будто они видят чудо; глядя на его глубокую старость, на его величавую и спокойную манеру держаться, они подумали, стоило ли так стараться, чтобы схватить такого старца. (14) Он же немедленно приказывает поставить им стол, предлагает поесть досыта и просит дать ему один час спокойно помолиться; это разрешили; он, встав, стал молиться и был так исполнен Божией благодати, что присутствующие, слушая его молитву, перепугались и многие стали раскаиваться в том, что собираются погубить такого почтенного, угодного Богу старца. (15) О следующих событиях повесть о Поликарпе сообщает дословно так:

«Когда он окончил молитву и помянул всех, когда-либо общавшихся с ним, незаметных и великих, славных и неизвестных, и всю вселенскую Церковь, пришло время отъезда; Поликарпа посадили на осла и повезли в город; была Великая Суббота. Ему повстречались иринарх⁸ Герод и отец его Никита. Они пересадили его в повозку и, сидя рядом, стали его уговаривать: «Что плохого сказать: «Владыка кесарь», принести жертву и сохранить себе жизнь?» (16) Поликарп сначала не отвечал, а когда они стали приставать к нему, сказал: «Что вы мне советуете, делать не соби-

раюсь». Не успев в своих уговорах, они с бранью и угрозами выкинули его из повозки с такой силой, что он, падая, ободрал себе голень. Не обращая на это внимания, он, словно с ним ничего не случилось, бодро и торопливо пошел на площадь, куда его вели. (17) На площади стоял такой шум, что многим ничего не было слышно, но Поликарпу, когда он пришел на площадь, был голос с неба: «Крепись, Поликарп, и мужайся». Говорившего никто не видел, а голос слышали многие наши. (18) Когда его привели, был великий шум: услышали, что Поликарпа схватили. Когда он, наконец, подошел, проконсул спросил его: «Ты Поликарп?» и после утвердительного ответа стал уговаривать отречься: «Уважь свою старость» и прочее, что им привычно говорить: «Поклянись фортуной кесаря, одумайся, скажи: «Смерть безбожникам!»» (19) Поликарп помрачнел лицом и, поглядев на всю толпу на площади, погрозил ей рукой и, взглянув на небо, сказал: «Смерть безбожникам!» (20) А проконсул настаивал, говоря: «Поклянись, и я отпущу тебя; обругай Христа». Поликарп же сказал: «86 лет я служу Ему, и ничем Он меня не обидел. Могу ли хулить Царя моего, спасшего меня?» (21) Тот опять настаивал и говорил: «Поклянись фортуной кесаря». — «Мысли у тебя насчет того, чтобы я поклялся фортуной кесаря, пустые. А как ты притворяешься, что не знаешь, кто я, то выслушай слово свободное: я христианин; если хочешь узнать учение христианское, отведи на это день и выслушай». (22) Проконсул сказал: «Убеди народ». Поликарп сказал: «Тебя я удостоил разговора, потому что нас наставили воздавать подобающую честь властям и правителям, поставленным Богом, если это нам не на пагубу. Они же, по-моему, не достойны того, чтобы перед ними защищаться». (23) Проконсул сказал: «У меня звери: напущу на тебя, если не переменишь мыслей». Он же сказал: «Зови. Нельзя нам менять хорошее на плохое; хорошо отойти от худого к справедливому». Он опять ему: «Усмирю тебя огнем, если тебе ничем звери и если не передумаешь». (24) Поликарп сказал: «Ты грозишь огнем, который горит свое время и скоро гаснет; а не знаешь ты, что для будущего суда и вечного наказания нечестивцам готов огонь. Зачем медлишь? Делай, что хочешь!» (25) Говоря это и еще многое, он исполнился мужества и радости, и лицо его озарено было благодатью; он не смутился от слов проконсула, но проконсул вышел из себя и отправил глашатая трижды объявить на площади: «Поликарп признал себя христианином». (26) Когда глашатай сказал это, тогда вся толпа язычников и иудеев, проживающих в Смирне, не в силах сдержаться, подняла неистовый рев: «Он учитель Асии, он отец христиан; наших богов отрицает и многих учит не приносить им жертв и не чтить их». (27) Говоря так, они стали кричать и просить аснарха Филиппа выпустить на Поликарпа льва. Он сказал, что это нельзя, потому что борьба со зверями закончена. Тогда решили единодушно кричать, чтобы Поликарпа живого сжечь. (28) Надлежало исполниться его видению с подушкой, когда, стоя на молитве, увидел он, что она горит, и, обратившись к окружающим его верным, пророчески сказал: «Надлежит мне сгореть живому». (29) И вот, это произошло очень быстро, скорее, чем было сказано. Немедленно толпы людей наносили дров и хвороста из мастерских и бань; особенно старались по своему обыкновению иудеи. (30) Когда костер был готов. Поликарп снял с себя всю одежду, расстегнул пояс и попытался развязать обувь, чего раньше никогда не делал, потому что каждый верный всегда старался поскорее прикоснуться к его телу. Он всегда был почитаем; уважали его добрую жизнь и его старость. (31) Сразу же разложили вокруг

все принадлежности костра, но, когда хотели пригвоздить его, он сказал: «Оставьте меня так: Подающий мне силу вынести огонь подает и без ваших гвоздей стоять спокойно на костре». Они не пригвоздили его, а только привязали. (32) Он же, стоя с руками назади, привязанный, словно отборный овен из большого стада, приносимый в жертву всеожожения, угодную Богу Вседержителю, сказал: (33) «Отец возлюбленного и прославленного Сына Твоего Иисуса Христа, через Которого мы познали Тебя, Бог Ангелов и Сил, демонов, всякой твари и всех праведных, живущих пред лицом Твоим, славаю Тебя, что Ты удостоил меня в этот день и час в числе мучеников Твоих получить часть в чаше Христа Твоего (34), ради воскресения в жизнь вечную души и тела, в нетлении Духа Святого. Да буду принят как один из них сегодня пред лицо Твое в жертву тучную и желанную (35), ибо Ты ее заранее уготовал, предвозвестил и принес, Боже истинный, не знающий лжи. Поэтому за всё Тебя благодарю, Тебя славаю, Тебя превозношу через вечного Архиерея, Иисуса Христа, возлюбленного Сына Твоего, чрез Которого и с Ним вместе в Духе Святом слава Тебе и ныне и в будущие века. Аминь». (36) Когда он вознес это «Аминь» и закончил молитву, приставленные к костру зажгли огонь. Вспыхнуло большое пламя, и мы, которым дано было увидеть, увидели чудо; мы и уцелели, чтоб рассказать остальным о происшедшем. (37) Пламя образовало нечто вроде свода; словно парус, полный ветром, оградил кругом тело мученика, и он стоял посередине не как плоть горящая, а как золото и серебро, очищаемое огнем в печи. Мы ощущали благоухание, как от курящегося ладана и какого-то другого драгоценного аромата. (38) Наконец беззаконные увидели, что не могут уничтожить его тело огнем, и велели палачу пронзить его мечом. (39) Когда он это сделал, то хлынуло столько крови, что потушило огонь, и вся толпа изумлялась: какая великая разница между неверными и избранными, из которых самым дивным был в наше время он, учитель апостольский и пророк, бывший епископом вселенской Церкви в Смирне. Всякое слово, исшедшее из уст его, исполнялось и исполнится.

(40) Лукавый враг и завистник, противник праведных, видя величие его мученичества, безукоризненный от начала образ жизни, зная, что он увенчан венцом бессмертия и награду унесет неоспоримую, постарался, чтобы мы не взяли его тела, хотя многие хотели это сделать и иметь частицу его святой плоти. (41) Они убедили Никиту, отца Герода, брата Алки, упросить проконсула не отдавать его тела: «Как бы они, бросив Распятого, не стали почитать его». Это говорили они по подсказке и настоянию иудеев, которые уследили, что мы собираемся взять его с костра, и не понимали, что мы не можем ни оставить Христа, пострадавшего ради спасения всего мира спасаемых, ни почитать кого-либо другого; (42) Ему мы поклоняемся как Сыну Божию; мучеников же, как и достойно, любим как учеников Христа, Ему подражающих, за их непревзойденную преданность своему Царю и Учителю. Довелось бы и нам стать их собеседниками и соучениками!

(43) Центурион, видя иудейскую склочность, положил его тело на виду у всех, как это у них принято, и сжег его; мы же потом собрали его кости, которые дороже драгоценных камней и благороднее золота, и положили их где следовало. (44) Там по возможности Господь даст и нам, собравшимся в ликованиях и радости, отпраздновать день рождения Его мученика в память прежних борцов за веру, в поучение и подготовку будущих. (45) Это вот о блаженном Поликарпе, пострадавшем в Смирне

двенадцатым после одиннадцати, из Филадельфии, но его вспоминают больше всех, и даже язычники повсюду о нем толкуют.

(46) О том, что касается Поликарпа, дивного мужа апостольского, и о том, какого конца был он удостоен, рассказывают братья Смирнской Церкви в послании, мной упомянутом. Присоединено в этом писании и сообщение о других мучениках, пострадавших в той же Смирне почти одновременно с Поликарпом. Среди них был Митродор, как будто пресвитер Маркионовой ереси; он погиб на костре. (47) Из тогдашних мучеников особенно прославлен был некий Пионий: его пространное исповедание, его смелые речи, защита веры перед народом и властями, поучения народу, ласковое обращение с павшими в испытаниях гонения, утешения братьям, которые навещали его в тюрьме; сведения о том, какие пытки он выдержал, о его дальнейших страданиях, о том, как его пригвоздили, о его мужестве на костре и его кончине после всех дивных дел его — об этом со всей полнотой изложено в сочинении о нем, к которому я и отсылаю тех, кто любит такое чтение. Писание это мы включили в нашу сводку о древних мучениках. (48) Есть тут же отчеты и о других замученных в асийском городе Пергаме: о Карпе, Папиле и женщине Агафонике, со славой скончавшихся после многократного и славного исповедания.

16

В это же время недавно упомянутый нами Иустин, вручивший вторую книгу в защиту нашей веры упомянутым императорам, украсился святым мученичеством. Философ Крискент, который образом жизни и нравом старался заслужить свое имя киника, задумал коварный план. Иустин, часто беседуя с ним в присутствии слушателей, поправлял его и в конце концов, отстаивая истину, получил в награду победный венец мученичества. (2) Воистину философствующий, он в названной Апологии, предвидя то, что еще не совершилось, прямо так и говорит: (3) «Я ожидаю, что кто-нибудь из названных мною будет злоумышлять против меня и наденет на меня колодки, вот хотя бы Крискент; любит он вовсе не мудрость, а шумиху. Не достоин имени философа человек, который говорит о том, чего не знает. Он публично заявляет, что христиане безбожники и нечестивцы, и делает это, чтобы доставить удовольствие и радость людям, сбившимся с толку. (4) Он или кидается на нас, не зная Христова учения, и тогда он негодяй из негодяев; он гораздо ниже простых людей, которые часто остерегаются говорить о том, чего не знают, и не дают ложных показаний. Или же, узнав это учение, он не понял его величия, или, поняв, поступает по-прежнему, чтобы его не заподозрили, будто и он христианин; (5) в таком случае он глупейший негодяй, раб страха и бессмысленного общепринятого мнения. Предложив ему несколько вопросов, я понял, что он действительно ничего не знает, и уличил его в этом. Я хочу, чтобы вам это было известно. А что я говорю правду, то я готов, если наши споры не были доведены до вас, спорить с ним в вашем присутствии: это тоже было бы дело царственное. (6) Если же вам известны мои вопросы и его ответы, то вам ясно, что он ничего нашего не знает; если же что и знает, но, как я сказал раньше, не осмеливается сказать это, боясь слушателей, то он не мудрость любит, а славу и не считается с прекрасным словом Сократа».

(7) Так пишет Иустин. А что он кончил жизнь, как и предвидел, от козней Крискента, о том многократно свидетельствует в своих произведениях Татиан, который в молодости был софистом, занимался греческими

науками, приобрел тут немалую славу. В своей книге «Против эллинов» он говорит так: «Дивный Иустин правильно объявил, что вышеназванные люди подобны разбойникам». (8) Потом, поговорив о философах, он заключает так: «Крискент, угнездившийся в великом городе, выделялся любовью к отрокам и был весьма сребролюбив. (9) Советуя презирать смерть, он сам так боялся смерти, что постарался, как великому злу, предать смерти Иустина, потому что Иустин, проповедуя истину, избличал в философах обжор и обманщиков».

Вот, по его словам, причина мученической смерти Иустина.

17

Иустин в первой своей Апологии вспоминает мучеников, пострадавших до него и его борьбы. Поучителен один его рассказ. (2) Пишет он так: «Некая женщина жила с развратником мужем и сама была раньше развратницей, но, познакомившись с учением Христовым, образумилась и пыталась образумить и своего мужа. Она рассказывала ему об учении Христа и о наказании в огне вечном людям, живущих беспутно, а не в чистоте и не по здравому рассуждению. (3) Он продолжал жить в распутстве и своим поведением отвратил от себя жену. Женщина, считая нечестием и в дальнейшем делить ложе с мужем, который, вопреки закону природы и вопреки справедливости, старался все сделать средством наслаждения, решила разорвать их союз. (4) Родные стали ее умолять и советовали подождать, в надежде, что муж еще переменится. Она заставила себя остаться. (5) Муж ее уехал в Александрию, и, когда ей сообщили, что он ведет себя еще безобразнее, она, чтобы не быть причастной к его неправде и нечестию, оставаясь в браке и живя общей жизнью, дала ему то, что у вас называется «разводной». (6) А ее прекрасный муж (ему следовало бы радоваться, что жена, которая раньше, не задумываясь, весело пьянствовала и распутничала со слугами и поденщиками, положила этому конец и хотела, чтобы он положил конец такому поведению), когда она ушла от него против его воли, подал на нее в суд, говоря, что она христианка. (7) Жена подала тебе, император, прошение разрешить ей сначала уладить все домашние дела и затем уже, после приведения всего в порядок, начать защиту. Ты это ей разрешил. (8) Бывший муж ее, которому сейчас не в чем было ее уличить, решил напасть на некоего Птолемя, наставника ее в христианском учении, которого Урбикий осудил. (9) Повел муж дело таким образом: центуриона, своего друга, он подговорил схватить Птолемя и только спросить его, христианин ли он; Птолемей, человек правдивый, мыслящий честно и прямо, исповедал себя христианином. Центурион заковал его и долго мучил в темнице. (10) Наконец его повели к Урбикию, и тут опять-таки допрос был об одном: христианин ли он? И опять же, сознавая благо, полученное им от Христа учения, исповедал Птолемей это училище Божественной добродетели. (11) Ведь отрекающийся от какого-либо учения отрекается или потому, что увидел нечто плохое, или потому, что считает себя недостойным этого учения и чуждым ему. И то, и другое не к лицу истинному христианину. (12) Когда Урбикий приказал казнить Птолемя, некий Луций, тоже христианин, видя, что приговор произнесен без всякого разумного основания, сказал Урбикию: «В чем дело? Этот человек не прелюбодей, не развратник, не убийца, не вор, не грабитель, он вообще не уличен ни в одном преступлении, и ты посылаешь его на казнь за исповедание имени христианина. Ты не судишь, Урбикий, как подобало бы императору»

благочестивому, и философу, сыну кесаря, и священному сенату». (13) Урбикий, ничего не ответив, сказал Луцию: «По-моему, и ты такой же», и когда Луций ответил: «Целиком», велел казнить и его. Луций поблагодарил его, сказав, что он, наконец, избавлен от таких злых властителей и идет к благовому Отцу, Царю и Богу. Подошел кто-то третий и тоже был приговорен к смерти».

Непосредственно за этим рассказом Иустин ведет кстати уже упомянутую нами речь: «И я ожидаю, что кто-нибудь из названных мною будет против меня злоумышлять» и т. д.

18

Иустин оставил нам много полезнейших произведений; они свидетельствуют об уме, прошедшем школу и погруженном в размышления о Божественном; к ним мы и отсылаем людей любознательных, отметив им на пользу те, которые стали нам известны. (2) Есть у него речь, обращенная к Антонину, именуемому Благочестивым, к его детям и к римскому сенату, с изложением нашего учения; вторая содержит защиту нашей веры и написана к преемнику названного самодержца, соименному Антонину Веру. О событиях того времени мы сейчас и рассказываем. (3) Есть у него и другое сочинение — «К эллинам», где он пространно рассуждает о многих вопросах, которые занимают и нас, и греческих философов, определяет также и природу демонов; останавливаться сейчас на этом не к чему. (4) И еще дошло до нас его произведение к эллинам, которое он озаглавил «Обличение». Еще «О Божественном единодержавии», составленное им не только по нашим писаниям, но и по эллинским книгам. (5) Затем еще озаглавленное «Лирник» и другое, толкующее о природе души: представив разные мнения по вопросу, поставленному в этом сочинении, он предлагает соображения греческих философов; опровергнуть их и изложить свое собственное он обещает в другом сочинении. (6) Составил он и диалог против иудеев: это беседа, которую он вел в Ефесе с Трифоном, человеком известнейшим в то время среди евреев. В ней он рассказывает, каким образом Божия благодать устремила его к слову веры, с каким рвением занимался он раньше философией и с каким одушевлением искал истину. (7) В этой же книге рассказывает он о кознях иудеев против Христа и Его учения и развивает свои мысли следующим образом, обращаясь к Трифону: «Вы не только не раскаялись в ваших злодеяниях, но разослали по всей земле из Иерусалима избранных людей объявить, что появилась безбожная ересь христианская, и рассказывать про нее все, что на нас взводят люди, нас не знающие: вы виноваты не только перед собой, но вообще перед всеми людьми».

(8) Он пишет, что до его времени дар пророчества озарял Церковь, и вспоминает «Откровение» Иоанна, утверждая, что оно принадлежит этому апостолу; он приводит несколько пророческих изречений и уличает Трифона в том, что иудеи выбросили их из Писания. Есть много и других его трудов у многих братьев. (9) В старину их считали заслуживающими внимания; Иринея вспоминает его слова и приводит их в четвертой книге «Против ересей»: «Прекрасно говорит Иустин в сочинении против Маркиона: «Я не поверил бы Самому Господу, если бы Он возвестил мне, что рядом с Создателем есть и другой Бог»».

А в пятой книге того же произведения Иринея пишет: «Прекрасно сказал Иустин, что до пришествия Господня сатана никогда не осмеливался хулить Бога, так как еще не знал, что осужден».

(10) Необходимо это сказать, чтобы любящие поучаться внимательно прочли его сочинения.

Вот, что касается Иустина.

19

На восьмом году упомянутого царствования⁹ скончался епископ Аникет, целых одиннадцать лет управлявший Римской Церковью; преемником его был Сотер. Преемником Келаднона, 14 лет стоявшего во главе Александрийской Церкви, был Агриппин.

20

В Антиохийской Церкви шестым после апостолов был Феофил; четвертым после Герона был Корнилий, а пятым по лестнице преемства — Эрот.

21

На это время приходится расцвет церковных писателей: Егезиппа, которого мы уже знаем; Дионисия, епископа Коринфского; Пинита, Критского епископа; Филиппа, Аполлинария, Мелитона, Мусана и Модеста и в особенности Иринея, писания которых донесли до нас истинную, здоровую веру апостольского предания.

22

Егезипп в пяти дошедших до нас книгах оставил полный отчет о своем образе мыслей. Он рассказывает, что во время своего путешествия в Рим он общался с очень многими епископами и от всех слышал одинаковые поучения. Вот как заключает он свою беседу о послании Климента к Коринфянам:

(2) «Коринфская Церковь оставалась правоверной, до Прима, бывшего епископом в Коринфе. Я общался с ним по пути в Рим, куда направлялся морем, и провел с коринфянами достаточно дней, взаимно утешаясь нашим правоверием. (3) Будучи в Риме, я составил список епископов, преемственно сменявших друг друга вплоть до Аникета. Дяконом у него был Елевфер, преемником Аникета — Сотер; после него — Елевфер. В каждой преемственной смене и в каждом городе все идет так, как велит Закон, пророки и Господь».

(4) Он же сообщает и о возникновении современных ересей: «После Иакова Праведного, пострадавшего по той же причине, что и Господь, епископом был поставлен его двоюродный брат Симеон, сын Клеопы. Его предложили все, как двоюродного брата Господня. Церковь в то время называли чистой девой, потому что никто еще не обольстил ее суетным учением. (5) Обольщать ее учением одной из семи ересей, существовавших в народе (от них был и он), начал Фебуфис, недовольный тем, что не стал епископом. Отсюда вышел Симон и его последователи — симониане; Клеобий и его последователи — клеобиане; Досифей и его последователи — досифиане; Горфей и его последователи — горфеане и масбофеи. От них же менандриане, маркиониты, карпократиане, валентиниане, василидиане и сатурнидиане: каждый вводил свое собственное, отличное от чужих, учение. (6) От них и пошли лжехристы, лжепророки, лжеапостолы; своими губительными речами против Бога и Христа они раздробили церковное единство».

(7) Он же рассказывает о сектах, издавна существовавших у иудеев: «Существовали разные толки у обрезанных, то есть у сынов Израиля, о колене Иудином и о Христе: были ессеи, галилеяне, гемеробаптиты, масбофеи, самаритяне, саддукеи, фарисеи».

(8) Пишет он много и о другом; мы частью упоминали его рассказы, приводя их к месту и своевременно. Он приводит выдержки из Евангелия от евреев, из Сирийского Евангелия, кое-что переводит с еврейского, тем самым обнаруживая, что он из евреев, принявших нашу веру. Упоминает он также кое-что из устного иудейского предания. (9) Не только он, но и Иринеи, и все древние называли премудростью Соломоновы Притчи. Говоря о так называемых апокрифах, он сообщает, что некоторые из них были составлены современными ему еретиками. Но перейдем к другому.

23

Прежде всего надо сказать о Дионисии. Ему поручена была в Коринфе епископская кафедра. Плодами своего вдохновенного трудолюбия он щедро делился не только со своей паствой, но и с чужеземцами. Наибольшую пользу он принес, обращаясь к Церквам во вселенскими посланиями. (2) Есть послание к лакедемонянам, наставляющее в правоте и убеждающее хранить мир и единство, и другое, к афинянам, понуждавшее к вере и жизни по Евангелию. Дионисий упрекает афинян в легкомыслии; после того, как их предстоятель, Пуплий, мученически скончался в случившееся тогда гонение, они готовы были отпасть от веры. (3) Вспоминает он и Кодрата, бывшего их епископом после замученного Пуплия, и свидетельствует, что его рвением были они собраны и вновь загорелись верой. Затем он рассказывает, что Дионисий Ареопагит, по словам «Деяний», обращенный к вере апостолом Павлом, был первым епископом Афин. (4) Есть еще его послание к никомидийцам, в котором он опровергает ересь Маркиона и стоит за установленную истину. (5) Обращаясь к Церкви в Гортине и к прочим Критским Церквам, он хвалит их епископа Филиппа, ибо его Церковь неоднократно засвидетельствовала свою верность, и вновь напоминает, что следует остерегаться еретической заразы. (6) Обращаясь к Церкви в Амастриде и к прочим Понтийским Церквам, он вспоминает Вакхилида и Елписта, которые просили его написать это послание; толкует Божественное Писание, называет по имени их епископа Пальму. Он дает много советов относительно брака и целомудрия и велит дружески принимать, если они покаются, павших, согрешивших, даже повинных в еретическом заблуждении. (7) Среди этих посланий есть одно к жителям Кносса: в нем он убеждает их епископа Пинита не накладывать насильно на братьев тяжкого бремени целомудрия и считаться с тем, что многие слабы. (8) Пинит в своем ответе восхищается Дионисием, хвалит его, но в свою очередь убеждает давать более твердую пищу и питать в дальнейшем народ, ему вверенный, писаниями, ведущими к совершенству; нельзя, чтобы, все время сидя на поучениях, похожих на жидкую молочную пищу, они незаметно и состарились неразумными детьми. В этом послании отчетливо выявлен облик Пинита: его правоверие, забота о пользе ему подвластных, образованность и понимание Божественного. (9) Есть у Дионисия и послание к Римлянам, обращенное к тогдашнему епископу Сотеру; лучше всего привести его похвалу римскому обычаю, сохранившемуся до современного нам гонения:

(10) «Изначально есть у вас обычай всячески благодетельствовать всем братьям и посылать вспомоществование многим Церквам. Вы облег-

чаєте бедняков, снабжаете посылками братьев, находящихся в рудниках. Вы, римляне, храните римский обычай, от отцов переданный: оказывать такую помощь. Ваш блаженный епископ Сотер не только соблюдал его, но обильно снабжал святых и как любящий отец ободрял приходящих к нему братьев добрым словом».

(11) В этом же послании вспоминает он и послание Климента к коринфянам, замечая, что, по данному обычаю, его читают в Церквах. «Сегодня святой день Господень, и мы прочитали ваше послание; будем всегда читать его в наставление себе, как читаем и то, которое послал нам еще раньше Климент».

(12) Говорит он и о подделке своих посланий: «Братья просили меня писать им послания; я и писал их, но апостолы дьявола переполнили их сорняками: одно выбросили, другое прибавили — горе им! Не удивительно, что постарались подделать и Писание Господне, раз занялись и не такими важными».

(13) Есть и еще послание Дионисия к глубоко верующей сестре Христофоре, в котором он подает приличествующую ей духовную пищу.

О Дионисии достаточно.

24

У Феофила, упомянутого нами епископа Александрийской Церкви, есть три книги к Автолику, излагающие начала веры; книга, озаглавленная «Против ереси Гермогена»; в ней он пользуется свидетельствами из Иоаннова «Откровения»; есть и другие учительные книги.

А так как еретики, словно плевелы, засорили чистое поле апостольского учения, то повсюду пастыри церковные отгоняли их, как хищных зверей, от овец Христовых, то наставляя и убеждая самих братьев, то вступая в открытую борьбу с противником: уничтожали их устными рассуждениями; неопровержимо изобличали их учение доводами из письменных источников. Что и Феофил выступал вместе с другими в этой борьбе, ясно из его превосходной книги против Маркиона; она вместе с другими, нами упомянутыми, сохранилась донныне.

Преемником его был Максимин, седьмой, считая от апостолов, епископ Антиохийской Церкви.

25

Филипп, бывший, по словам Дионисия, епископом в Гортине, написал обстоятельнейшее сочинение против Маркиона. Писали также Иринеи и Модест. Последний сильнее, чем другие, всем воочию показал заблуждения этого человека. Писало и много других; труды их донныне сохраняются у многих братьев.

26

В это же время на верху своей славы находились Мелитон, епископ в Сардах, и Аполлинарий, епископ в Иераполе, которые — каждый особо — обратились к тогдашнему римскому императору с апологией нашей веры.

(2) До нашего сведения дошли следующие произведения Мелитона: «О Пасхе» две книги; «Об образе жизни и о пророках»; «О Церкви»; «О дне Господнем»; «О вере человеческой»; «О творении»; «О послушании чувств вере» и, кроме того, «О душе и теле», или «О едином»; «О крещении»; «Об истине, вере и о рождении Христа»; «О пророчествах о Нем»; «О гостеприимстве»; «Ключ»; «О дьяволе»; «Об «Открове-

нии» Иоанна»; «О Боге воплотившемся» и, наконец, «Прощение к Антонину».

(3) В начале своего сочинения «О Пасхе» он указывает время его составления: «При Сервиллии Павле, проконсуле в Асии¹⁰, в то время, когда мученически скончался Сагарис, в Лаодикии возник великий спор о Пасхе, которая в те дни пришлось как раз на то самое время. Тогда это и было написано».

(4) Об этой книге вспоминает Климент Александрийский в собственной своей книге о Пасхе, которую, по его словам, он составил по поводу Мелитонова писания.

В книге к императору¹¹ Мелитон рассказывает о том, что было с нами в его правление:

(5) «Такого никогда не бывало: сейчас в Асии по новым эдиктам гонят и преследуют людей благочестивых. Бесстыдные доносчики и любители чужого, исходя из этих распоряжений, открыто разбойничают, ночью и днем грабя людей, ни в чем неповинных».

(6) Затем он говорит: «Если это делается по твоему приказу — хорошо, пусть так и будет! Справедливый царь никогда не постановит решения несправедливого, и мы с радостью примем эту смерть как некую почесть. У нас к тебе только одна просьба: познакомиться сначала с теми, кто вызвал такую ненависть, и решить по справедливости, заслуживают они смерти и наказания или жизни и спокойствия; если же не от тебя идет это распоряжение и новый эдикт (издать его не пристало бы даже против врагов-варваров), то мы тем более просим тебя: не оставь нас на этот открытый грабеж».

(7) Дальше он говорит:

«Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка. Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима. Ты желанный наследник их и пребудешь им вместе с сыном, храня философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа; предки твои чтят ее, как и прочие религии. (8) А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно. (9) Только Нерон и Домициан, подстрекаемые какими-то злодеями, пожелали оклеветать нашу веру и с тех пор, по бессмысленному обычаю доносить, на нас льются потоки лжи. (10) Твои благочестивые предки старались исправить это невежественное представление: часто отправлялись письменные выговоры тем, кто осмеливался вводить какие-то новшества относительно христиан. Твой дед Адриан писал об этом многим, и в том числе Фундану, проконсулу Асии, а твой отец, когда ты уже был его соправителем, писал городам, чтобы не было по отношению к нам никаких новшеств: лариссейцам, фессалонийцам, афинянам и всем грекам. (11) Ты разделяешь его мысли по этому поводу; ты и более человеколюбив, и более предан философии — и мы верим, что ты сделаешь всё, о чем мы тебя просим».

(12) Всё это находится в упомянутом письме. Написанные им «Эклоги» он начинает, в качестве предисловия, со списка общепризнанных книг Ветхого Завета. Этот список необходимо привести здесь. Пишет он так:

(13) «Мелитон брату Онисиму привет. По усердию к нашей вере ты часто просил меня сделать тебе выборки из Закона и Пророков, относя-

щиеся к Спасителю и ко всей нашей вере; ты хотел в точности узнать число ветхозаветных книг и порядок, в каком они расположены. Я постарался выполнить твое желание, зная твою ревность к вере и любознательность к ее учению; ты считаешь это самым важным, любя Бога и трудясь для вечного спасения. (14) Я отправился на Восток и дошел до тех мест, где Писание было проповедано и исполнено, в точности разузнал о ветхозаветных книгах и послал тебе их список. Вот их названия: пять книг Моисеевых — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие; Иисус Навин, Судьи, Руфь, четыре книги Царств; две Паралипоменон, Псалмы Давида, Притчи Соломоновы или книга Премудрости, Екклесиаст, Песнь песней, Иов; пророки: Исаия, Иеремия и двенадцать в одной книге; Даниил, Иезекииль, Ездра. Из них я и сделал выборки, разделив их на шесть книг».

О Мелитоне сказано достаточно.

27

У многих хранится много книг Аполлинария; до нас дошли следующие: речь к упомянутому императору; «К эллинам» в пяти книгах; «Об истине» две книги; «К иудеям» две. Позже писал он против фригийской ереси (она спустя немного времени расцвела буйно, но тогда только начала как бы прорасти) и против Монтана, ее создателя, сбившегося с правого пути вместе со своими мнимыми пророчицами.

28

От Мусана, нами раньше упоминавшегося, дошло очень сильное увещательное слово, написанное братьям, уклонившимся в ересь так называемых энкратитов, тогда зарождавшуюся и вводившую учение ложное, чуждое и пагубное. Говорят, что сбил людей с правого пути Татиан.

29

Приводя недавно его слова о дивном Иустине, мы сказали, что он был учеником мученика. Иринея подтверждает это в первой книге «Против ересей» и пишет так о самом Татиане и о его ереси:

(2) «От Сатурнина и Маркиона пошли так называемые энкратиты, которые проповедовали безбрачие, отрицали творение мира Богом и втихомолку обвиняли Его за то, что он создал мужчину и женщину для рождения детей. В своей неблагодарности Богу, Создателю всего, они вводили воздержание от того, что называли одушевленным, и отрицали спасение для первого человека. Вот что у них выдуманно, а богоухальное это учение принес некий Татиан. Слушатель Иустина, он, пока был с ним, ничего подобного не провозглашал; а после его мученической кончины отошел от Церкви и в чаду учительского самомнения, возомнив себя выше других, создал свое собственное учение, сочинил каких-то незримых эонов, вроде Валентиновых; объявил вместе с Маркионом и Сатурнином брак пагубой и развратом и придумал доказательства, утверждающие невозможность спасения для Адама».

(4) Так писал тогда Иринея. Через короткое время ересь эту усилил некий Север, и ее приверженцы стали называться по его имени северианами. (5) Они признают Закон, Евангелия и Пророков, но мысли Священного Писания толкуют по-своему; бранят апостола Павла, отвергают его Послания и не принимают «Деяний». (6) Их прежний глава, Татиан, составил — не знаю как — свод из четырех Евангелий, назвав его «Еван-

гелием от четырех»; оно и посейчас кое у кого имеется. Говорят, он осмеливался излагать мысли апостола в других словах под предлогом исправления стиля.

(7) От него осталось множество сочинений; многие упоминают, как самое знаменитое, слово «К эллинам», в котором, вспоминая времена древнейшие, он заявляет, что Моисей и еврейские пророки старше всех, кто прославлен у эллинов. Это произведение, кажется, самое лучшее и самое полезное из всех его трудов.

Вот что касается этого человека.

30

При этом же императоре ереси в Месопотамии умножились, и некий Бардесан, человек очень даровитый и прекрасно владевший сирийским языком, составил и написал на родном языке и родным шрифтом диалоги против последователей Маркиона и прочих ересиархов. Было у него много и других произведений. Ученики его (их было много, ибо он был сильным диалектиком) перевели их с сирийского на греческий. (2) Среди этих произведений есть очень убедительный диалог с Антонином о судьбе; говорят, есть и другие сочинения, написанные по поводу тогдашнего гонения. (3) Бардесан принадлежал раньше к школе Валентина, но, отдав себе отчет во множестве его выдумок и опровергнув их, он решил, что сам он вернулся к мыслям правоверным. Целиком, однако, он не считил грязь старой ереси.

В это время скончался епископ Римской Церкви Сотер.

ПРИМЕЧАНИЯ

К книге третьей

¹ Отождествление Ерма, которого упоминает апостол, с автором «Пастыря» восходит к Оригену. Оно неверно.

² Крискент упомянут в списке вьенских епископов, но отождествили его с учеником апостола не раньше IX века.

³ Нерон умер в 68 г. Его преемник Гальба был убит 15 января 69 г. Оттон, ставший после него императором, покончил с собой 14 апреля 69 г. Преемник его Вителлий был убит 20 декабря 69 г. (Евсевий его не упоминает). Веспасиан был провозглашен императором 1 июля 69 г.

⁴ Цифра совершенно невероятная, даже если принять во внимание собравшихся в Иерусалиме на праздник Пасхи. Тацит (Ист. V, 13) считает, что во время осады в городе было 600 тысяч человек.

⁵ К прокуратору Альбину (62—64 гг.).

⁶ Кроме Евсевия, никто не сообщает о таком приказе Веспасиана.

⁷ Веспасиан скончался в 79 г., Тит — в 81 г.

⁸ Светоний (Домициан, 15) называет Флавию Домициану женой Климента. Понятия (ныне Ponza) — небольшой островок на Средиземном море, скалистый и бесплодный.

⁹ Солдат, оставшийся на сверхсрочную службу и служивший Домициану посыльным.

¹⁰ Плефр = около $\frac{1}{4}$ га.

¹¹ 18 сентября 96 г.

¹² 27 января 98 г.

¹³ Petalon — золотая дощечка, которую носил на груди иудейский первосвященник. Какое значение имеет она в связи с апостолом? Христиане из евреев стремились как можно теснее связать новую веру с библейскими традициями?

¹⁴ 106 или 107 г.

К книге четвертой

¹ Т. е. около 109 г.

² Т. е. в 119—120 г.

³ *Hypomnemata* (по-латыни *commentarii*) — доклад, который магистрат подает импе-

ратору или какому-то лицу, облеченному властью. Так называется и историческое сочинение, которому не придана литературная форма.

⁴ Адриан скончался 10 июля 133 г.

⁵ Указ этот считается фальшивкой, хотя Гарнак защищает его подлинность (Texte und Untersuchungen, XIII, 4). Он помещен в Парижском кодексе 450 после «Апологии» Иустина.

⁶ Антонин Пий скончался 7 марта 161 г. Марк Аврелий и Луций были его приемными сыновьями.

⁷ Город во Фригии, недалеко от Антиохии Писидийской.

⁸ Начальник городской полиции.

⁹ Т. е. 168 г.

¹⁰ 164—166 гг.

¹¹ Марку Аврелию. О «новых эдиктах», о которых говорит Мелитон, мы ничего не знаем, но известно, что при Марке Аврелии мученически скончались Сагарис в Лаодикии и Фразея из Эвмении. Речь идет, вероятно, о каких-то распоряжениях местных властей.
